

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

**ДЕРЖИ ХВОСТ
ПИСТОЛЕТОМ**

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Дарья Александровна Калинина

Держи хвост пистолетом

Серия «Сыщицы- любительницы Мариша и Инна»

текст предоставлен издательством ЭКСМО
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119212
Держи хвост пистолетом: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-04-007573-1

Аннотация

Закадычные подружки Даша и Мариша приезжают в одну из южных республик с мечтой о чудесном отпуске на берегу моря. Но не тут-то было... Сначала их поселяют в гостиницу рядом с весьма подозрительной соседкой. Ночью из ее номера выходит загадочная незнакомка. Начав за ней слежку, подружки попадают в логово бандитов. Украл там автомат, они переезжают на турбазу, где через несколько дней на дне бассейна находят труп мужчины, которого они явно уже где-то видели. Дальше – больше. Слежка за таинственной женщиной приводит их в стан боевиков, откуда им удастся бежать на... бронетранспортере. Но и это далеко не все... Тяжело пришлось подружкам, но их противникам еще хуже!

Дарья Калинина

Держи хвост пистолетом

Девушка с ростом, который больше бы подошел молотобойцу, с ненавистью уставилась на невысокого по сравнению с ней парня. Верней, смотрела она не на него, а на его спину, которая стремительно от нее удалялась. Эту спину девушка сейчас тоже ненавидела, но все же терять ее в данный момент в ее планы никак не входило. И все было бы прекрасно, если бы зависело от нее одной, но, увы, милый высказался за разрыв весьма решительно. На всякий случай она решила уточнить и спросила:

– Ты что, и в самом деле уходишь?

Он, не отвечая, прибавил шагу. Девушка пожала плечами и поспешила за ним следом.

– Навсегда уходишь? – уточнила она еще раз. – Ты же говорил, что не можешь без меня жить, а теперь бежишь, словно от черта.

Молодой человек тяжело вздохнул и, поняв, что объяснения не миновать, повернулся к своей любимой. Даже сейчас, не в лучшем настроении, она была на диво хороша какой-то демонической красотой. Длинные черные косы извивались у нее за спиной словно змеи. Смуглой коже очень шел легкий румянец, который окрасил ее щеки, а темные глаза напоминали два черных агата. Девушка была моложе парня и выгля-

дела совсем юной, но отнюдь не беззащитной. На мгновение он заколебался, но потом напомнил себе о том, что может потерять, и взял себя в руки.

– Я же предупреждал тебя, что мы не сможем долго быть вместе, – сердито произнес он. – Чего ты от меня теперь требуешь?

– Ты меня предупреждал об этом до того, как мы стали мужем и женой, – сердито ответила ему девушка. – Или для тебя наша клятва ничего не значит?

– Какая клятва! – возмутился парень. – Ни ты, ни я не верим в бога. Это все предрассудки наших бабок. К тому же тот священник был явно не в себе. Ни одному нормальному человеку в голову не пришло бы соединить двух таких разных людей, да еще принадлежащих к разным верам. Это была шутка, ясно тебе?

– А ребенок тоже шутка?

Такого поворота он явно не ожидал. Он открыл рот и долго молча смотрел на свою подругу. Мысль о ребенке в его голове просто не укладывалась. И он заявил:

– Ты врешь.

– А вот и нет! – завопила она. – Просто я хотела тебя обрадовать и ждала подходящего момента.

Парень еще какое-то время осмысливал услышанное, и с каждой минутой оно нравилось ему все меньше и меньше. Радости от участия в демографическом взрыве он почему-то не испытывал. Что и говорить, его подруга выбрала самый

«подходящий» момент, чтобы сообщить свою новость. Сейчас больше всего на свете будущему отцу хотелось удрать туда, где его ждала столичная жизнь, академия, а также грядущие почести и лавры, которые, он не сомневался, смышленому человеку с хорошей протекцией ничего не стоит завоевать. Но совсем другое дело, когда на шее сидят жена и ребенок. Это решительно не укладывалось в планы его дальнейшей жизни.

– Это потрясающе! – наконец произнес он, почти не покривив душой. – Ты должна воспитать его настоящим мужчиной.

– А если родится не мальчик?

– А кто? – совершенно искренне удивился потенциальный папаша.

Девушка удивилась ничуть не меньше, но ничего не сказала. Никакого ребенка она не ждала, поэтому обсуждать сейчас его пол ей казалось бессмысленным. Мысль о ребенке появилась у нее совершенно внезапно, когда она поняла, что теряет своего возлюбленного. Поэтому она равнодушно слушала, что ее любимый думает об их будущем ребенке, и прикидывала про себя, насколько убедительно сыграла свою роль. По всему выходило, что муж поверил. На землю ее вернули его слова:

– Я буду вам писать.

– Как писать? Зачем? Разве мы не вместе поедем? – поразила мнимая мамаша.

Ее муж почувствовал, что наступает самое страшное, он готовился к карьере политика и терпеть не мог выяснять отношения, когда тебя припирают к стене, объясняя, кто ты есть на самом деле, и слова не дают вставить. А в этом его пассива была мастером, и сейчас она наступала. Брови у нее сошлись в одну угрожающую линию, а сама она напоминала ядовитую змею, на которую неосторожно наступили. Несчастный задрожал и понял, что пора ударяться в бегство, не забывая маскировать его под тщательно продуманное отступление. С этой целью он скороговоркой забормотал:

– Вы приедете ко мне поздней. Когда я устроюсь, то сразу напишу вам. Вот тогда и приедете. Ты ведь у меня умница и сама все понимаешь. Не могу я сейчас взять тебя с собой, это поставит крест на моей карьере. Поверь, я никогда не забуду тебя.

Договаривая эти слова, он поднял голову и понял, что спасен. К ним приближался автобус, а его задняя дверь была открыта. Девушка слишком поздно поняла замысел своего возлюбленного, чтобы успеть ему помешать. С открытым ртом она смотрела, как ее милый сделал огромный скачок и оказался внутри автобуса.

– Я никогда тебя не забуду, – донесли до нее его последние слова.

– Я тебя тоже, – мрачно прошептала она. – Только не надейся, что тебе, мерзавец, это сойдет с рук. Бросить на произвол судьбы беременную женщину, мать своего ребенка! Да

такое я бы не простила никому, а уж собственному мужу и подавно. Ты у меня еще попляшешь, только дай срок. Я уж придумаю тебе наказание пострашней.

Тот факт, что ребенок является лишь плодом ее воображения, она как-то оставила без внимания. Бредя по ночному городу, она бормотала себе под нос:

– Я не тороплюсь, к тому же уверена, что времени у меня будет много, вряд ли ты явишься обратно в ближайшие годы. Но это и не важно, в моем роду с детства учатся выдержке, охотникам без этого нельзя. Я тоже умею ждать, а главное, умею помнить. Даже к лучшему, что у меня будет много времени, тем слаще покажется мне моя месть.

Вид из окна автобуса уже давно меня не радовал. Однако до сего момента мне еще как-то удавалось с ним мириться в предвкушении того, что окружающая природа сжалится над нами и покажет что-нибудь, кроме выжженной на злом южном солнце степи, чахлых кустиков серой растительности и извивающейся среди этого «великолепия» асфальтовой дороги.

– Ничего, – утешала я себя, не особенно-то веря своим словам. – Дальше будет интересней.

Увы, дальше стало только хуже. Автобус въехал в городскую черту и остановился на узкой и до невозможности пыльной улочке, где в этой самой пыли обильно ею же припорошенные играли чумазые детишки. Излишне говорить,

что играли они той же пылью. Игра заключалась в том, что они просеивали ее сквозь растопыренные пальцы, поднимая миниатюрные бури, и засыпали ею камешки разной величины, которые изображали из себя дома, людей и танки. Мы с Маришей тупо уставились на это зрелище, а остальные пассажиры тем временем начали бодро покидать автобус. Нам же потребовались окрик шофера и значительное умственное усилие, чтобы до нас дошло, что мы прибыли на место предполагаемого отдыха.

– Ты куда меня завезла? – злобно прошипела я, выпрыгивая из автобуса прямо на какого-то бритого чертенка, то есть специально я на него не прыгала, но он, оказывается, лежал на дороге, что-то изучая под днищем автобуса. Я его не заметила, так как он уже давно стал одного цвета с дорогой.

Он выскочил у меня из-под ног словно баллистическая ракета, до смерти меня перепугал и еще заверещал что-то на своем языке, явно не одобряя подобные выходки приезжих.

– А что тебе не нравится? – удивилась Мариша. – Смотри, какой колорит!

– В последний раз тебе доверилась, – простонала я, принимая у нее свой чемодан.

Вообще-то я всегда так говорю, и каждый раз Марише удается обвести меня вокруг пальца и втравить в свою очередную авантюру. По непонятной мне самой причине я охотно в нее втягиваюсь, уверяя себя, что в этот раз все будет иначе и ничего опасного нас не ждет. И каждый раз с горе-

чью убеждаюсь, что жестоко ошиблась и теперь мне предстоит расхлебывать Маришину дурость, которой конца края не видно. А после того, как Мариша помирилась со своим женихом, стало и вовсе плохо, так как он по каверзости в отношении своих друзей ни в чем не уступал моей подруге.

– И зачем я тебя послушалась, – тоскливо продолжала гудеть я. – Сидела бы себе сейчас на даче в Синявине. Болото, комары, сыро, мокро. Красота, одним словом! С четырех сторон соседи, на огороде сорняки вперемешку с камнями и никакого тебе моря. Кстати говоря, где море?

– Там, – весьма неопределенно махнула рукой Мариша.

Я послушно посмотрела в ту сторону, но ничего, кроме голой стены какого-то каменного здания, не увидела. А тем не менее море должно было быть, иначе чего ради я позволила притащить себя в такую даль? Еще дома, когда Мариша помахала у меня перед носом двумя яркими бумажками, сказав, что это наш пропуск в рай, у меня сразу же возник закономерный вопрос о местонахождении этого земного рая. К сожалению, мы с Маришей одинаково затруднились ответить на этот вопрос, так как в школе на уроках географии играли в крестики-нолики, и теперь наших совместных знаний по вопросу о том, где находится бывшая автономная республика Д., а ныне субъект федерации, хватило лишь на то, чтобы сообразить, что без карты нам не обойтись. Обыскав всю мою квартиру, мы нашли мировой атлас, решив довольствоваться им.

– Это здесь! – уверенно ткнула пальцем Мариша куда-то в район нефтяных вышек, располагавшихся возле города Баку.

Я пристально осмотрела кусочек карты вокруг ее указательного пальца и должна была признать, что море там и в самом деле наличествует.

– Представляешь, как мы с тобой здорово отдохнем! – распиналась передо мной Мариша. – Август, сплошные персики и виноград. Теплая морская вода, свежий горный воздух, нас провезут по самым красивым местам. И самое главное, что путевка нам досталась почти даром. Странные люди у меня на работе, не захотели поехать в такое замечательное место за какие-то жалкие триста рублей вместе с дорогой. Они же, сидя на месте, потратят в десять раз больше. А мы с тобой полетим на самолете, а в аэропорту нас встретит автобус, который доставит нас прямо в лучшую гостиницу города М., которая стоит возле самого синего моря, где мы проведем первые пять дней. Затем нас снова посадят на автобус и отвезут в горы, еще на пять дней, и наконец последнюю пятидневку мы проведем в городе Д. Ты вслушайся, как звучит!

Звучало и в самом деле потрясающе, настолько, что я позволила себе расслабиться и согласилась. А ведь знала, чем обычно кончаются поездки куда-либо в обществе Мариши. И зачем мне потребовалось проверять это еще раз? Первое нехорошее чувство шевельнулось во мне, когда в аэропорту я услышала разговор наших попутчиков. Они жаловались, что раньше летали до Грозного, а оттуда уж добирались на

маленьком самолетике до города М., и это было очень удобно, а теперь приходится лететь до Минеральных Вод и ехать через горы. Что-то такое нехорошее было связано у меня в памяти с Грозным, то ли по телевидению передавали, то ли от знакомых слышала. Но что именно, точно я припомнить не смогла, поэтому загнала невесть откуда взявшуюся тревогу поглубже и строго-настрого запретила ей портить мне удовольствие от обещанного (Маришей!) отдыха.

Долетели мы благополучно, правда, обещанного в путевке автобуса за нами не прислали, и пришлось сесть в нечто, лишь очень отдаленно напоминающее автобус, которое шло до цели нашего путешествия. По дороге мы встретили несколько машин со зверского вида военными, при виде которых мне снова стало не по себе, но так как стрелять в нас они воздержались, то я снова попыталась успокоиться. Получалось это у меня плохо, и я решила поболтать с окружающими.

– Непокойно у вас тут, – обратилась я к сидящей рядом со мной женщине. – Военные ездят, да еще с автоматами, чего это они?

Но женщина посмотрела на меня как на малость помешанную и покрепче прижала к себе своего шестого, но не самого младшего ребенка. Младший сидел у нее в животе и вел себя на «пять» с плюсом. Остальные дети расползлись по всему автобусу и вели себя значительно хуже, всеми силами стараясь причинить побольше беспокойства окружающим.

Теперь мы стояли в узком переулке, вокруг были лишь высокие каменные заборы, такие же живописные, как и во всем мире.

– Ну и где твоя гостиница? – недовольно осведомилась я у Мариши, которая уже несколько минут пыталась разобраться в сопроводительном листке, прилагавшемся к путевке. – И почему нас не встретил гостиничный автобус, как было указано? Может быть, и двухместный номер со всеми удобствами окажется такой же туфтой? А может, и гостиницы никакой нет и нам придется возвращаться обратно в Питер?

– Подожди, – отмахнулась от меня Мариша. – Сейчас разберемся.

– Предлагаю пройти вперед, а не торчать в этом проулке, – предложила я, так как темнеть начало удивительно быстро, дети куда-то исчезли, а вместо них появились какие-то подозрительные личности мужского пола, жадно уставившиеся на нас.

Мы поспешно прошли несколько метров, завернули за угол, и перед нами неожиданно оказалась вполне современная площадь, вымощенная белой плиткой и с электрическими фонарями по краям, которые хотя и не горели, но все равно приятно радовали глаз. Справа от площади проходили железнодорожные пути, через которые был перекинут подвесной мост, а прямо перед нами высилось двенадцатиэтажное здание нашей гостиницы.

– Вот видишь! – с торжеством заявила Мариша. – Гости-

ница на месте.

Номер нам выделили двухместный, с душем, телевизором и холодильником, в котором жила целая коммуна усатых тараканов, использовавших его в качестве кондиционера в жаркое время суток и как столовую в остальное время. То есть сидели они там практически безвылазно, и все наши попытки выдворить их оттуда успеха не приносили. Не успевали мы выжить одну семейку, как ей на смену являлись ее ближайшие родственники и, должно быть, наследники.

– Предлагаю пойти погулять, – сказала Мариша, как только мы покончили обзирать свои покои. – На улице хоть тараканов нет.

Тараканов там не было, но зато гордо фланировали почти такие же усатые, как тараканы, мужчины. И их было подавляющее большинство. Честно говоря, на всем открывающемся пространстве мы с Маришей были единственными представительницами прекрасного пола. Мы миновали холл гостиницы, сопровождаемые внимательными взглядами мужчин, не меньше десятка которых немедленно припустили за нами. Долго гулять мы не стали, как-то неуютно себя чувствовали на открытой площади. Но о том, чтобы свернуть с освещенной площади в укромные улочки, мы даже и думать не стали.

На город спустилась южная ночь с обычными для нее теплой истомой, охватывающей вас, и сладкими ароматами уставшей от дневного зноя листвы, дурманящими головы и заставляющими мысли уноситься в заоблачные высо-

ты, прочь от реальности. С моря тянуло прохладой, но нам, разумеется, достался номер с видом во внутренний двор, откуда тянуло кухонными отбросами. Главное достоинство двора заключалось в том, что он был огорожен прочным, высоким забором с колючей проволокой по всему периметру, что существенно затрудняло доступ к балконам нашей стороны для представителей местного населения. Благодаря этому ночь прошла относительно спокойно. Мы с Маришей заранее заперли двери и тщательно подперли их изнутри холодильником и телевизором, который все равно не показывал ничего, кроме мутной ряби. Мы были вознаграждены за свою предусмотрительность очень быстро. Дверная ручка повернулась почти сразу же после того, как мы закончили стаскивать мебель к дверям, а гортанные мужские голоса начали о чем-то озабоченно переговариваться. То ли сетуя на прогресс, позволивший внедрить такую глупость, как замки, то ли обсуждая план штурма. Конечно, могло стать, что им от нас было что-то нужно, но нам они об этом ничего не сказали, наверное, из скромности.

– Куда мы попали? – тоскливо взывала я, когда за дверью несколько стихло. – Это же просто кошмар, если у них в столице такое творится, то что же будет в горах?

Мариша после нашей вечерней прогулки тоже как-то скисла, но все-таки пока не сдавалась и продолжала твердить о чудесном отдыхе, который нас ожидает в самое ближайшее время.

– Если он будет заключаться в том, чтобы все время с наступлением темноты проводить в четырех стенах, то я против. Темнеет тут рано, чуть ли не в восемь часов. Что я, курица, чтобы вместе с солнышком на покой отправляться? Надо было ехать в Сочи.

– В Сочи мы ездили в прошлом году, – напомнила мне Мариша. – Ничего хорошего.

При воспоминании о той поездке меня передернуло. Впрочем, тогда мы до Сочи так и не добрались, застряв где-то среди просторов Украины. Но выяснилось, что и там можно проводить время весело и с риском для собственной жизни. Если и в этом году меня ждет нечто подобное, то заранее можно готовиться к похоронам. Второй раз кучи трупов и свихнувшегося религиозного маньяка, особенно учитывая горячий нрав местного населения, я точно не переживу.

Нынешний отдых начался тоже весело. Уже на следующий день с самого утра меня чуть не сбила машина. Я почему-то решила, что при свете дня тут безопасней, чем вечером, и буквально чудом в последний момент вывернулась из-под колес мерзкой синей легковушки, хотя была твердо уверена, что переходила на зеленый свет. Однако здесь такие пустяки никого не волновали, все водители игнорировали светофоры, впрочем, как и пешеходов, явно считая их людьми второго сорта.

– С меня хватит, – заявила я Марише, добравшись до гостиницы и ввалившись в номер.

– Что случилось? – недовольно осведомилась сонная подруга, высунув нос из-под простыни.

– Меня чуть не убили, – поставила я ее в известность.

– Началось, – удовлетворенно заметила она и вознамерилась снова улечься спать. – Ничего другого я от тебя и не ожидала.

– При чем тут я, если здесь все гоняют как сумасшедшие, – заревела я.

– Ну, не плачь, сейчас пойдем на завтрак, познакомимся с остальными отдыхающими, настроение у тебя улучшится, – утешила меня Мариша.

При мысли о завтраке я и правда немного приободрилась. К тому же для того, чтобы его получить, не требовалось переходить дорогу, а надо было всего лишь спуститься вниз. Но со стороны Мариши и это было неслыханной жертвой, так как обычно она раньше двенадцати не вставала. За нашим столиком уже сидели смуглый мужичок с седой щетиной и розовой лысиной и крашенная блондинка с несколько перезревшими, но все еще роскошными формами, которые щедро выглядывали из ее коротенькой кофточки и очень коротеньких шортов. Мужичок оказался старостой нашей группы, все звали его Батяней, он тут же довел до нашего сведения, чтобы мы одни на улицу после восьми не выходили.

– Могут привязаться так, что потом не отвяжетесь, – пояснил он нам, поедая холодную яичницу с овощным салатом. – Оксана может подтвердить, недавно пришлось отбивать ее

сразу от пятерки аборигенов.

Блондинка кокетливо хихикнула и продолжила деликатно ковыряться в своей порции, давая понять, что ее такими мелочами не испугаешь. Мы осмотрели помещение ресторана и поняли, что наша группа в ближайшем будущем будет пользоваться горячим вниманием местных парней, так как на девять десятых она состояла из женщин моложе тридцати лет.

– Пока не слишком жарко, хорошо бы окунуться, – высказалась Мариша, и мы отправились на пляж.

Пляж не был, что называется, переполнен. К тому же многие пляжники, несмотря на жару, загорали в одежде, не снимая даже головных уборов. Мариша осталась в очереди за минералкой у входа, а я выбрала местечко поспокойней и расстелила гостиничное полотенце.

В метре от меня в пиджаке и ботинках восседал седой дедушка с бородой, которая доходила у него почти до пупа. Раздеваться под его испытующим взглядом было относительным удовольствием, но я все-таки стянула брюки и медленно сняла кофточку, чувствуя себя при этом совершенно падшей женщиной, дошедшей бог весть до каких пределов бесстыдства. Вскоре к дедуле присоединилась его семья, состоящая из чуть ли не целого десятка девушек в возрасте от трех до пятнадцати лет. Хотя черт их разберет, может быть, старшим еще не было и десяти. Они тут не выглядели на свои годы. Все они, не исключая трехлетней малютки, были обла-

чены в плотные рубашки, доходящие до пят. Купались они тоже в рубашках. Кинув на меня взгляд торжествующей добродетели, старец поспешил увести своих внучек подальше. А я осталась одна, чем была очень довольна еще в течение добрых пяти минут, потому что дольше мое одиночество не продлилось.

Ко мне подсел какой-то очередной представитель местной фауны. Я на него сердито рывкнула, но так как это не помогло, то пришлось одеться, как здесь было принято, и уйти купаться. Вернувшись, я обнаружила, что на моем полотенце сидит уже целая компания из четырех красавцев и оживленно болтает. Пока я прикидывала про себя, что для меня будет выгодней, пожертвовать гостиничным имуществом или своей репутацией мирной девушки, пришла моя подруга со словами, что папа остался покупать газировку, но очередь огромная, вряд ли он выдержит долго. Услышав это, молодые люди стремительно удалились, не дожидаясь появления папы.

Возвратившись в гостиницу, мы столкнулись в коридоре с сегодняшней роскошной блондинкой, которую видели за завтраком. Она снова глупо хихикала и активно виляла задом перед двумя черноусыми джигитами, которые норовили попасть к ней в комнату, куда их упрямо не пускала пышно-телая красавица.

– Ну нет, – стреляя глазами в обоих джигитов так, что

я стала опасаться за их целостность, твердила она. – В мою комнату я вас не пущу. Еще чего выдумали, вдруг наш увидит, он у нас очень строгий.

При этом она игриво хохотала, невзначай оголяя свои и без того достаточно открытые телеса. Она себя явно недооценивала, задница у нее была очень даже привлекательная, и ее вид не мог отпугнуть двух южан. У джигитов дым шел чуть ли не из ушей, и было ясно, что их сдержанности хватит ненадолго. Блондинка же продолжала отнекиваться, призывно при этом смеясь.

– А вот и мои подружки! – неожиданно воскликнула она, указывая в нашу сторону.

Мы с Маришей испуганно обернулись назад, предполагая увидеть за собой еще десяток весело хихикающих крашенных блондинок в коротеньких шортиках, явно одолженных у младших братишек или сестреночек. Но, к нашему удивлению, гостиничный коридор был совершенно пуст. Никаких подружек там не наблюдалось.

«Это она про нас!» – внезапно осенило меня.

Честно говоря, перспектива оказаться в подружках у веселой матроны меня не вдохновила. На Маришиной физиономии тоже не было видно и следа благодарности судьбе за такой подарок. Но блондинку наша холодность не остановила. Она бросилась к нам, обдав удушающей смесью из нескольких дезодорантов, которые друг с другом не сочетались настолько явно, что это поняла даже я со своим полным отсут-

ствием обоняния, и прошептала:

– Подыграйте мне, никак не могу от этих уродов отвязаться. Перлись за мной от самого моря. Что им всем нужно!

– Оксана! – радостно завопила Мариша у меня над ухом. – Как я тебе рада! Тебя уже вылечили, я вижу? Или ты сбежала?

Я испуганно вздрогнула, а двое джигитов насторожились и начали внимательно прислушиваться к нашему разговору.

– От чего вылечилась?! – опешив вполне натурально, спросила блондинка.

– Я же тебя целый год к венерологу отправить не могла, – жизнерадостно ответила Мариша. – Ты все уверяла, что у тебя сыпь по всему телу от того, что слишком много ешь фруктов. А оказалось, что я была права! Мне потом Аркадий рассказал, какая у тебя там была сыпь.

Блондинка затравленно посмотрела на мою подругу и пролепетала:

– Что-то я такого не припомню.

Еще бы она припомнила, если весь этот бред, который несла Мариша, был целиком и полностью плодом ее воображения. Пока блондинка удивленно таращилась на Маришу, пытаясь привести свои мысли в порядок, ее настойчивые ухажеры растворились в пространстве. Нет, в прямом смысле растворились. Только что стояли, и вдруг их уже нигде не видно. Не могли же они сквозь стену просочиться! Мистика, да и только.

Блондинку пришлось провести в наш номер с целью успокоения ее нервной системы, расшатанной местным колоритом и Маришиным приветствием. Денек был жаркий, и я предложила страдалице выпить прохладного сока прямо из холодильника. К сожалению, коробку с соком уже оккупировали наши таракашки, которых тоже можно было понять. Не глядя, я щедро плеснула жидкости в стакан и протянула его новой знакомой, которая неожиданно взвизгнула и, выронив стакан, вскочила на мою кровать прямо в босоножках. Я человек неприхотливый, но надо же и совесть иметь. Если тебя пригласили в гости, это еще не значит, что можно обливать хозяев соком и скакать по их кроватям.

– Что опять случилось? – недовольно спросила Мариша, возвращаясь из душа, где она мыла купленные нами персики, и наблюдая за тем, как блондинка прыгает по моей простыне, извиваясь и пытаясь стряхнуть с себя что-то невидимое.

– Не знаю, – пробурчала я и довольно бесцеремонно сдернула попрыгунью на пол.

– Снимите его! – визжала та, топчась на месте и стуча ногами. – Уберите эту гадость от меня!

– Припадочная, – заключила Мариша. – Надо врача звать, самим нам не справиться, – с этими словами она положила себе в рот кусочек персика, уселась в кресло и стала задумчиво наблюдать за корчащейся блондинкой.

Совершенно растерявшись, я схватила коробку с остатка-

ми сока и выплеснула его на пышнотелую красавицу, надеясь, что это приведет ее в чувство. Средство неожиданно для меня самой оказало желаемое действие, она затихла и начала вытираться.

– Их больше нет? – закончив приводить себя в порядок, спросила она.

– Нет, – заверила ее Мариша. – Все мужики страсть не любят, когда их женщина чем-то болеет, все равно чем. Их одинаково пугает пустячная простуда и холера на последней стадии. Поэтому они сбежали, и уже давно.

– Я не про них, – с досадой отозвалась блондинка. – Подумаешь, мужики! Я говорю про тараканов, вот это мой настоящий кошмар. С детства боюсь их до обморока. Ничего не боюсь, даже червяков, пауков и мышей, а при виде таракана чуть ли не в конвульсиях готова биться.

В это время из пышной копны на голове нашей гостьи выглянул на редкость крупный экземпляр. Представив, что случится, если таракан шмякнется прямо у нее перед носом, я похолодела. Но он, кажется, основательно прилип к прическе, во всяком случае, из его попыток выбраться из плена у него ничего не получалось, как он ни старался.

– Хочу отблагодарить вас за то, что выручили меня, – сказала блондинка. – Приходите сегодня вечером ко мне в гости. Я живу в соседнем номере, как вы уже, наверное, догадались. Приходите часикам к девяти, буду очень вам рада.

– Конечно, мы придем, – торопливо заверила ее я, мечтая

только о том, чтобы она убралась из нашего номера, так как по ее волосам пробежал родственник прилипшего таракана, который казался вполне дееспособным.

Теперь я была готова на все, даже на то, чтобы показаться невежливой, лишь бы выставить гостью до того, как она обнаружит украшение в своей прическе. На счастье, блондинка лучезарно сверкнула золотыми зубами и удалилась, покачивая бедрами, плотно обтянутыми трикотажем.

– Милая женщина, – заключила Мариша. – Только со странностями. Но в гости к ней сходить можно, все равно делать больше нечего. Наверное, сейчас она затеяла стирку, ты ее основательно полила соком.

Мы с Маришей были бы немало удивлены, если бы обладали способностью видеть сквозь стены, потому что, придя в номер, наша соседка стянула с себя не только верхнюю одежду, но и свои роскошные белые волосы, которые оказались не чем иным, как париком. Под ним у нее оказались темные и коротко стриженные волосы, которые она тщательно расчесала. После этого, наспех смыв с себя пятна сока и тщательно избавившись от слоя косметики на губах и глазах, она извлекла из шкафа длинное темное платье. Облечившись в него, она стала почти неотличима от любой местной женщины, которые в светлое время все-таки отваживались прогуляться по городу. С отвращением оглядев себя в зеркале, она повязала на голову большой черный шелковый платок и стала точной копией практически любой аборигенки. В это вре-

мя зазвонил телефон, соседка сняла трубку и с минуту напряженно вслушивалась в то, что ей говорили, сама не произнося ни слова. Повесив трубку, она принялась наспех наводить порядок в комнате, как если бы сейчас ей пришлось принимать не слишком требовательных гостей. Но, закончив уборку, она не уселась в ожидании их в кресло, а снова подошла к зеркалу. Повторный осмотр удовлетворил ее, и она, осторожно выглянув в коридор и убедившись, что он пуст, тихо выскользнула из номера и пустилась в путь.

– Ничего не понимаю, – сказала мне Мариша спустя десять минут после половины десятого, во время которых мы безуспешно барабанили в дверь нашей соседки. – Она нас на сегодня пригласила? Ты это точно помнишь?

Я подтвердила и еще несколько раз ударила в дверь, но ничего не произошло.

– С ней что-то случилось! – трагично закатив глаза, простонала Мариша. – Это моя карма. Куда ни приеду, там кого-нибудь убивают!

Карма, что ни говори, показалась мне слишком трагичной, к тому же я не могла понять, почему из-за Маришиной кармы должны страдать окружающие.

– Может быть, у нее удар и она лежит в номере совсем одна, беспомощная и беззащитная, – продолжала голосить Мариша.

– Ага, – довольно поддакнула я, – а по ней ползают тар-

каны.

От такой картины мне самой стало не по себе. И я пропустила тот момент, когда Маришин припадок безумия еще можно было остановить.

– Нам надо попасть в номер! – решительно заявила моя подруга, покончив со стонами и вернувшись в нормальную форму. – Она там! Я это чувствую. И она нуждается в нашей помощи!

– Ломать дверь я не буду, – сразу же отказалась я.

– И не надо, – успокоилась Мариша. – Сейчас спустимся вниз и возьмем ключ от ее номера.

Ключа на месте не оказалось.

– Должно быть, она просто ушла, – высказала я предположение.

– Как она могла уйти, если пригласила нас в гости! И за ужином ее не было, – возмутилась Мариша, словно отсутствие за ужином было криминалом. – Говорю тебе, она в номере и у нее сердечный приступ или чего похуже.

Образ запуганной до смерти и щелкающей зубами от страха перед полчищами тараканов блондинки снова встал у меня перед глазами и, как я ни пыталась его прогнать, уходить не желал. Поэтому я довольно быстро сдалась на Маришины уговоры перебраться с нашего балкона на балкон в номере нашей новой знакомой.

– Это очень просто, – заверила меня Мариша. – Надо только правильно рассчитать траекторию прыжка.

Я посмотрела на соседний балкон и решила, что нас от него отделяет по меньшей мере несколько километров.

– Ну уж нет, – отказалась я. – Без страховки я не полезу и тебя не пущу.

– Какая еще страховка? – взъерепенилась Мариша. – Тут всего ничего.

Но я все-таки сбегала в ванную и сняла там бельевую веревку, которая показалась мне достаточно прочной, чтобы выдержать вес не слишком упитанной девушки. Я нацепила на талию подружки кожаный ремень, а к нему привязала веревку, в душе радуясь тому, что Мариша вызвалась лезть сама. Другой конец веревки я привязала к перилам нашего балкона. Мариша во время этой процедуры страшно злилась и нетерпеливо топала ногой.

– Чего ты возишься, – шипела она. – Человек, может быть, доживает последние секунды, а ты тут с ерундой возишься. Давай скорей!

Наконец я пришла к выводу, что больше узлов уже все равно не смогу завязать, и дала добро на старт. Мариша встала на край балкона, вдохнула побольше воздуха и прыгнула. К сожалению, оказалось, что, завязывая узлы, я немного перестаралась и теперь длины веревки не хватает для того, чтобы долететь до соседнего балкона. Где-то в середине пути веревка натянулась, не пуская Маришу дальше, и моя драгоценная подруга с диким воплем полетела вниз.

Я тихо сползла по стенке и начала думать, во сколько мне

обойдется доставка Маришиного тела в Питер.

– Ты там заснула? Тащи меня назад, – неожиданно раздался голос живой подруги откуда-то у меня из-под ног. – Долго мне тут болтаться?

С холодеющими от страха конечностями я выглянула с балкона и увидела, как Мариша раскачивается наподобие маятника между двумя нижними балконами, на которых сидят отдыхающие и с любопытством смотрят на нее. Я послушно начала тянуть за веревку, но у меня ничего не получалось. Мариша была слишком тяжелой, о чем я ей и сообщила.

– Да ты сдурела! – возмутилась она. – Я за последние месяцы похудела минимум на десять килограмм. Нечего выдумывать, тащи меня вверх.

Увы, вверх у меня одной не получалось. Пришлось звать на помощь крепенького старичка, который мирно пил кефир у себя на балконе, когда перед ним неожиданно закачались Маришины ляжки. Разумеется, пить кефир он после этого больше не мог, поэтому с радостью согласился помочь нам и заодно избавиться себя от столь экзотического добавления к пейзажу. К нему присоединились две женщины, которые тоже были свидетельницами Маришиного полета. Совместными усилиями мы втянули ее обратно к нам на балкон.

– А что бы вы делали, если бы я заблаговременно не села на диету, – вместо благодарности услышали мы от моей подруги, когда она избавилась наконец от страховочного пояса.

Проводив наших добровольных помощников, мы вернулись обратно на балкон.

– Что бы нам предпринять? – простонала Мариша. – С Оксаной явно плохо дело, если она даже не выглянула на весь этот шум. Надо ломать дверь, что ли?

– Это с тобой плохо, раз ты даже теперь не оставила свою идею забраться к ней, – возразила я. – Нас и так могут выгнать из гостиницы за нарушение общественного порядка. Больше прыгать я тебе не разрешу.

– У тебя есть другая идея? – спросила Мариша.

– Есть, – буркнула я.

Идея у меня и в самом деле была, просто я надеялась, что мне не придется ее реализовывать. Взяв все ту же бельевую веревку и распутав большую часть узлов на ней, я перебросила ее на соседний балкон, потом ручкой Маришиного зонтика притянула свободный конец веревки назад и снова перебросила обратно, а затем конец веревки привязала к перилам нашего балкона. А на веревку я пристроила гладильную доску, одолженную у администратора. Получилось нечто вроде импровизированного мостика. Очень ненадежного, шаткого и тонкого, надо отметить.

– Ты хочешь, чтобы я по нему прошла? – с недоверием спросила у меня Мариша. – Я не могу.

– Прыгать ты могла, а тут не можешь? – возмутилась я.

– Когда я прыгала, то не думала, что падать так страшно, – призналась Мариша. – А теперь я знаю, каково это, и потому

боюсь.

Я посмотрела на нее, надеясь, что она прочтет в моем взгляде все, что я о ней думаю, но напрасно надеялась. Кожа у Мариши была потолще, чем у бегемота.

– Придется лезть мне, – со вздохом решила я.

– Точно! – совершенно, на мой взгляд, неприлично обрадовалась Мариша. – Я тебя подстрахую.

– Обойдусь без тебя, – возразила я, отправляясь в нашу комнату в поисках чего-нибудь, что могло бы сойти за страховочный трос.

Ничего более подходящего, чем Маришины джинсы и моя новая футболка, я не нашла. Связав одежду в длинную веревку, я обвязала ее себе вокруг живота и, с тоской думая о том, что вряд ли импровизированная веревка выдержит вес даже в половину меньше моего, и горько кляня себя за каждый съеденный мной за последние месяцы пирожок, переползла на мостик. Сразу же выяснилось, что передвигаться по нему в нормальном состоянии невозможно, так как он раскачивался под моим весом в разные стороны просто с угрожающей амплитудой. Пришлось опуститься на живот, свесив ноги по обе стороны доски и вцепившись в нее руками. Лежать так было очень приятно, ветерок обдувал меня со всех сторон, и шевелиться решительно не хотелось, так как при малейшем движении доска начинала плясать подо мной и норовила выскользнуть ко всем чертям, оставив меня на голой веревке.

– Что ты разлеглась? – шипела мне в спину напрочь лишенная всякого сочувствия Мариша. – Пляж тебе тут, что ли?

– Отвяжись! – дружески посоветовала я ей, но так как обернуться не рискнула, то она ничего не услышала и решила, что я ее тоже не слышу и вообще прилегла соснуть, и начала дергать веревку, стараясь привлечь к себе мое внимание.

– Ты ненормальная! – завопила я во все горло. – Я же сейчас свалюсь!

– Ой! – испуганно воскликнула Мариша. – Я подумала, что с тобой случился приступ и ты потеряла сознание.

Мысль о том, что со мной и в самом деле может случиться нечто подобное, подстегнула меня получше всяких окриков. Осторожно извиваясь, я проползла оставшееся расстояние, показавшееся длинней всех дорог в моей жизни. Очнулась я уже на балконе от того, что Мариша снова принялась дергать за конец веревки, остававшийся у нее в руках.

– Дверь! – вопила она. – Открывай дверь!

С трудом придя в себя, я отправилась обследовать номер на предмет обнаружения в нем теплого или уже остывшего тела блондинки. Но ни того, ни другого я там не нашла. Номер был пуст.

– Чертова кукла! – выругалась я, сама не зная, кого имею в виду.

И в этот момент раздался настойчивый стук в дверь. Здра-

во предположив, что вряд ли хозяйка будет стучаться в свой собственный номер, я похвалила себя за смекалистость и пошла открывать. У двери я неожиданно задалась вопросом: а если это не хозяйка, то кто? От ответа на этот вопрос зависело очень многое. Если там стояла, к примеру, уборщица или администраторша, привлеченная излишней активностью за окнами и желающая узнать, все ли в порядке, то мне придется давать объяснения, как я очутилась в чужом номере.

«Выгляну-ка я в замочную скважину!» – решила я и, повторно похвалив себя за догадливость, так и сделала.

В скважине я увидела чей-то глаз и испуганно отпрянула назад. За дверью тоже охнули, и Маришин голос осторожно осведомился:

– Это ты?

Вместо ответа я распахнула дверь и тут уж дала волю своему раздражению.

– Ну ладно, не злись, – примирительно сказала Мариша. – Я же не могла знать точно, в номере Оксана или нет. Ты лучше думай, что с нами было бы, если бы оказалось, что она лежала здесь и умирала все то время, пока мы решали, лезть к ней или нет.

Я не нашлась, что ответить, а Мариша тем временем полезла под кровать.

– Ты чего это? – поразила я.

– Раз уж мы оказались в чужом номере, надо же посмотреть, что тут и как, – спокойно открывая тумбочку, ответила

она.

– Ты хоть понимаешь, насколько омерзительно это выглядит?! – взорвалась я. – Мало того, что мы проникли в чужой номер, так ты еще собираешься копаться в чужих вещах. Это просто свинство.

– Ты только посмотри! – ахнула Мариша, извлекая из тумбочки грязный пакет, в котором лежал небольшой, как раз по женской руке, пистолетик. – Как тебе это? Я лично думаю, что тебе тоже не мешало бы что-нибудь поискать.

Я ей ответила, что в советах умственно отсталых личностей не нуждаюсь и лучше уж ей подумать о чем-нибудь другом, как вдруг мы услышали за входной дверью голоса, и в замок вставили ключ. Невзирая на случавшиеся разногласия, в критической ситуации мозги у нас с Маришей всегда работали примерно в одном направлении. Вот и сейчас мы, не сговариваясь, бросились искать себе местечко поспокойней, то есть такое, в котором бы нас не обнаружила внезапно появившаяся хозяйка номера. Так как времени было в обрез и пространства, где могли бы спрятаться две взрослые девушки, в общем-то, тоже, мы шмыгнули в ванную комнату и притаились там за занавеской, отделявшей душевую кабину от остального помещения.

– Хоть бы они не вздумали душ принимать, – шепнула Мариша. – Если они полезут мыться, то мы пропали.

Но гости чистоплотностью не отличались. Они сразу же прошли в комнату, продолжая оживленно говорить на сво-

ем языке. К нашему удивлению, Оксана тоже участвовала в беседе, и говорила она не на русском и даже не на украинском, а на том же гортанном языке, на котором разговаривали ее гости. Тех было по меньшей мере три человека. Во всяком случае, мы различали три мужских голоса. Может быть, гостей было и больше, но тогда, значит, остальные хранили молчание.

– Теперь ты понимаешь, для чего она нас пригласила! – зловещим тоном прогудела мне в ухо Мариша. – Она собиралась продать нас этим типам.

– Думаешь? – усомнилась я. – А как бы они нас отсюда вынесли?

– Ну не сразу продать, так хотя бы товар показать, – пошла на компромисс Мариша.

– А почему они не могли на нас на улице посмотреть? – снова спросила я.

– Почему, почему! – рассердилась Мариша. – Откуда я знаю!

В это время голоса в комнате затихли и раздался шелест бумаги.

– Деньги уже отсчитывают, – поставила меня в известность Мариша.

– Странные у них деньги, размером с газетный лист, – рискнула заметить я и немедленно нарвалась на ее сарказм.

– И откуда же тебе известно, какого они размера, если ты сидишь в ванной и ничегошеньки не видишь.

– А мне и не надо смотреть, я все отлично слышу, – прошипела я ей. – Если не веришь, можешь сама убедиться.

– Не хочу я ни в чем убеждаться, – строптиво заявила мне Мариша. – Убираться отсюда надо, пока эти торговцы живым мясом нас не сцапали.

Мы осторожно приоткрыли дверь ванной и по очереди выглянули в прихожую. Там никого не было. Тогда Мариша медленно протянула руку к дверному замку и отодвинула собачку. Путь на свободу был открыт. Уходя, я все же не удержалась и кинула любопытный взгляд в комнату, где собрались гости нашей блондинки. В другое время я бы могла горько об этом пожалеть, но в этот раз мне повезло, гости меня не заметили, они всецело углубились в созерцание каких-то бумаг, которые были разложены на столе перед ними. Это зрелище так их заинтересовало, что им было не до меня. Сама блондинка сидела на диване и выглядела ошеломляюще красивой, вот что может сотворить с женщиной небольшое количество косметики.

Я выбралась из номера следом за Маришей, которая уже нетерпеливо поджидала меня в коридоре.

– Наконец-то! – воскликнула она. – Я уж думала, что тебя схватили.

– Ага, размечталась, они там никого не видят, стоят вокруг стола и смотрят в какие-то бумаги.

– Какие еще бумаги?

– Не разглядела, – с искренним огорчением сказала я. –

Они слишком плотно обступили стол. Не распахивать же мне их было.

– Я бы распахала, – задумчиво сказала Мариша. – Надо же знать, чем занимается наша соседка.

– Можно будет из номера подслушать, – предложила я.

– Подслушать, конечно, можно, – согласилась Мариша. – Но как быть с переводом. Где мы толмача сейчас раздобудем? И главное, как мы его потом выставим?

Голоса из соседнего номера, где обитала таинственная блондинка, свободно владеющая несколькими языками, раздавались до поздней ночи, доводя любопытную Маришу до умопомешательства. Попыток проникнуть к нам гости блондинки не делали, что лучше всех моих убеждений доказывало тот факт, что мы им были ни капельки не интересны. Чем, по-моему, здорово разобидели Маришу, хотя она и уверяла, что это не больше чем ловкий трюк, чтобы усыпить нашу бдительность.

– Если бы Оксана задумывала против нас что-то худое, то она бы уже двадцать раз появилась у нас в номере и пригласила к себе, – твердила я Марише, которая отмалчивалась, делая вид, что читает местную газету, которая была сплошь испещрена непонятными значками, идентифицировать которые было, на мой взгляд, решительно невозможно.

Я уже вдоволь насиделась на балконе, куда меня усадила Мариша, сказав, что лучшего наблюдательного пункта и не придумаешь. Вдруг Оксаниным гостям вздумается поды-

шать свежим воздухом, тут-то я их и рассмотрю хорошенько. Но за это время на балкон вышел только один из них и, увидев меня, поспешно вернулся назад. Я доложила об этом Марише, и она многозначительно покачала головой.

– Продолжай наблюдение. Они точно что-то замышляют, иначе не стали бы прятаться. И замышляют наверняка против нас, раз от нас прячутся. Смотри в оба, надо же знать, кто под нас подкапывается, – объяснила она свое любопытство.

Наконец в половине двенадцатого гости собрались уходить, голоса переместились из комнаты в прихожую. Мариша немедленно подскочила к дверям и замерла в выжидательной позе.

– Надо же хотя бы взглянуть на них, – пояснила она мне свои действия. – Даром, что ли, мы столько времени убили на ожидание. Если они все-таки против нас что-то задумывают, пусть знают, что мы начеку.

Как только гости Оксаны вышли из номера, Мариша распахнула дверь и тоже оказалась в коридоре. Я последовать ее примеру не успела, так как она влетела обратно в номер словно метеор, а дверь за ней захлопнулась без всякого нашего усилия.

– Какое хамство! – возмутилась Мариша, как только обрела дар речи. – Они мне даже не дали слова сказать, сразу же запихнули обратно. Я толком никого и не увидела, только двух молодых парней. А кто был третий, кого они так тщательно охраняли, я не разглядела. Тебе не кажется, что это

все подозрительно?

– Они идут в сторону черной лестницы, – заметила я, прислушавшись к удаляющимся шагам.

– Видишь! – обрадовалась Мариша. – Это преступники, они наверняка давно в розыске, поэтому и не хотели, чтобы их видели. Завтра же пойду в ближайшее отделение милиции и потребую, чтобы мне показали всех лиц, находящихся в розыске.

Я ничего не успела возразить ей на это, так как дверь открылась и в нее просунулась Оксана, вернее, не вся она, а только ее голова.

– Девочки, пожалуйста, не обижайтесь на моих гостей, – сконфуженно попросила она. – Дикие они, только что с гор спустились, а там у них война. Вот и привыкли в каждом врага видеть.

– Это не страшно, – ответила Мариша, не понятно что имея в виду.

– А почему ты на ужине не была? – вступила в разговор я. – Староста даже забеспокоился.

– Я решила сесть на диету, да и гостей своих развлечь надо было. Совершенно неожиданно встретила на улице с моим старым другом, мы вместе в институте учились, вот и вспомнили старые времена. Хорошо посидели, простите, что я вас не стала звать. Неудобно получилось, вроде бы сама приглашала, а потом даже не объявилась. Мы с ним говорили на его родном языке, я его еще в институте выучила, но в послед-

нее время практики не было, вот мне и хотелось посмотреть, смогу ли я с ним общаться как прежде. А ребята – это его телохранители. У них здесь так принято, без них – никуда. Иначе тебе почета не будет.

Я хотела сказать, что у нас тоже так, но исключительно в криминальной среде, но вовремя прикусила язык, вспомнив про пистолет в комнате Оксаны. Хоть она еще и не успела достигнуть высот, когда полагается личный телохранитель, но кто знает, на что она способна.

– Но приглашение остается за мной, – продолжала ворковать Оксана. – Если хотите, то можно посидеть завтра.

– Зачем же откладывать такое хорошее дело на завтра? – возразила ей Мариша. – Раз запланировали на сегодня, так сегодня и посидим. Время еще детское.

– Сегодня я устала, да и поздно уже. А вот завтра будет в самый раз, – отрезала Оксана, стерев на миг благожелательную улыбку.

– И что ты думаешь? – спросила у меня Мариша, когда за нашей гостьей захлопнулась дверь.

– Думаю, что ее гости не имеют ничего общего с ее студенческими годами. А еще я думаю, что она не захотела нас к себе приглашать потому, что мы могли увидеть какие-то вещи, которые для наших глаз не предназначены, – сказала я.

Мариша кивнула в ответ и продолжила:

– А еще очень может быть, что ее гость намерен вернуться сегодня ночью. Или у нее назначено свидание где-то в

другом месте и мы ей очень помешали бы. Недаром она так быстро изменила тон, даже не побоялась, что мы обидимся за столь резкий отказ, так ей важно было не допустить нашего присутствия у нее сегодня. И что из этого следует?

– Что? – уныло спросила я, отлично сознавая, «что» последует за Маришиными словами.

– А то, что раз ей так необходимо было от нас отделаться, то нам надо во что бы то ни стало быть рядом с ней, – ответила Мариша.

Как всегда, ее вывод выбил меня из колеи. Хотя за время нашего знакомства я могла бы уж и привыкнуть. Но вместо этого я ошеломленно спросила:

– И что же ты предлагаешь?

Могла бы и не спрашивать, уж о такой мелочи, зная свою подругу, я вполне способна была догадаться сама. Я и догадывалась. Но знаете, всегда до последнего не хочется верить в то, что твои самые ужасные подозрения имеют под собой вполне реальную почву.

– Во всяком случае, не спать, – подтвердила мои опасения Мариша. – Надо быть во всеоружии, мало ли что мы можем услышать. А действовать будем сообразно обстоятельствам.

Ничего хуже этого быть не могло. Даже самый идиотский Маришин план был во много раз лучше стихийно складывающихся обстоятельств. Мариша тем временем начала деятельно готовиться к возможной ночной вылазке в город.

– Надо решить, во что мы переоденемся, – бормотала она,

вытряхивая на кровать весь наш гардероб. – Если мы напьем на себя что-то бесформенное и намотаем на головы какое-нибудь подобие тюрбана, то можем сойти за местных старух. К ним тут относятся с большим почтением.

– А старушки ходят тут по ночам одни? – спросила я, тоскливо перебирая наши шмотки.

– Вот, вот! – обрадовалась Мариша. – Вопрос по существу. Думаю, что одной из нас придется сменить не только возраст, но и пол.

– И переодеться в мужа данной старушки? – догадалась я. – Для этого потребуется халат, длинная борода, и вообще вряд ли получится. Ведь мужчины тут лиц не прячут, это тебе не пустыня. А сколько грима на мою физиономию ни положи, все равно я на старичка буду мало похожа.

– Ты напрасно себе льстишь, – заявила мне Мариша. – Надо только чуточку постараться, и все будет в порядке.

– Все равно стариком я быть не согласна, – решительно отказалась я. – Если нас остановят, то именно мне придется объясняться, а я по-местному ни бум-бум.

– Ты всегда можешь прикинуться глухим, – великодушно предложила Мариша, но я твердо стояла на своем.

– Ладно, – с тяжелым вздохом согласилась моя подружка. – Пусть будут две старушки. Старушки тоже могут быть глухими, к тому же здесь женщину вообще за человека не считают, поэтому вряд ли обратятся с вопросом.

Мы намотали на себя несколько слоев гостиничных поло-

тенец, а сверху напялили самое темное и бесформенное, что у нас было с собой. Мариша натянула на себя длинный синий сарафан, прикрыв его вырез черной кофтой. Когда она согнулась и закашлялась, то эффект был потрясающий. Кажалось, что передо мной стоит столетняя старушенция, которую лучше вообще не трогать, а то рассыплется от времени. Я выбрала для себя черную юбку в складку, которая за счет намотанных на заднице полотенец несколько перекосилась.

– Будешь делать вид, что тебя радикулит скрутил, – посоветовала мне Мариша.

Под юбку я надела синюю ночную рубашку, которую кто-то забыл в нашем номере, а поверх всего этого меховую накидку с кресла. В темноте она легко сойдет за безрукавку. Волосы мы обильно припудрили нашедшимся у Мариши в сумке тальком, сразу же постарев на несколько десятков лет. После этого я скособочилась, как только могла, и заковыляла по комнате, переваливаясь с ноги на ногу, как утка.

– Блеск! – заключила Мариша. – Теперь тебе бы еще палку, но ее мы найдем на улице.

При этих словах мне стало тоскливо.

– Да чего ты трусишь, – убеждала меня она. – Если наша блондинка не боится ходить одна по улицам, то чего же нам с тобой бояться?

– У нее пистолет, – плаксиво протянула я, но в это время раздался щелчок замка в соседней двери.

– Пора! – заключила Мариша. – Главное – не забывай ко-

вылить.

Мы выскользнули в коридор, но Оксаны там не было. Вместо нее обнаружилась какая-то особа в темной одежде, которая спешила к пожарной лестнице.

– Пошли за ней, – потянула меня за рукав Мариша. – Все это выглядит очень странно.

В этом я с ней была полностью солидарна. Две старухи в длинных юбках, карабкающиеся в ночи по шаткой пожарной лестнице, и в самом деле выглядели бы в глазах отдыхающих весьма странно. А отдыхающих, как назло, было много.

– И чего они все выползли? – злобно бормотала Мариша себе под нос. – Уже спать давно пора. Просто столпотворение какое-то.

Мне было не до обсуждений странностей наших соседей. Я была занята тем, что старалась не потерять из виду ту особу в черном, которая выскользнула из номера Оксаны и которую Марише приспичило преследовать. Особа оказалась на редкость проворной и к тому же постоянно смотрела вверх. Поэтому ползти за ней по лестнице и оставаться при этом незамеченными оказалось невозможно.

– Бегом к лифту! – скомандовала я и первой припустила вперед.

Мариша скакала следом, бубня что-то о необходимости соблюдения осторожности. К лифту мы подлетели как раз, когда из него выходила целая группа туристов с фотоаппаратами и кинокамерами. Я не успела затормозить и на полном

ходу врезалась головой в живот какого-то упитанного дядьки. Судя по тому, как он охнул, удар был болезненный. Его жена истерично заверещала, но тут, на наше счастье, подоспела Мариша, которая, не особенно вслушиваясь в вопли женщины, запихала меня в лифт, вытолкав оттуда оставшихся туристов, и нажала кнопку первого этажа.

– Ты заметила, что один нас все время фотографировал? – обратилась она ко мне.

– Тебе показалось, – заверила ее я, испугавшись, что после ночной слежки, если мы останемся живы, нам еще предстоит выкрадывать пленку из номера не в меру ретивого туриста.

Но на препирательства о том, кто из нас прав, времени уже не оставалось, так как лифт остановился на первом этаже. Мы из него вышли и оказались в холле.

– Хромай! – приказала мне Мариша.

Я послушно захромала. Но вместо благодарности услышала:

– Что ты еле тащишься?! Так мы вовек не догоним ту бабу.

Я начала хромать быстрее, зрелище, должно быть, было душераздирающим, потому что администратор и присутствовавшие гости провожали нас сочувствующими взглядами, а швейцар даже открыл для нас дверь, чего обычно делать всячески избегал. Выскочив из гостиницы, мы с Маришей мигом забыли о своих хворях и припустили бегом, провожаемые удивленными взглядами все тех же постояльцев. К пожарной лестнице мы подоспели как раз вовремя, чтобы

увидеть, как наша подопечная спрыгнула с нее и, выбрав самый темный и несимпатичный переулок, устремилась в него.

– За ней, – прошептала Мариша, которая к этому времени уже отломала сук от какого-то растения и смастерила из него для меня клюку.

Опираясь на клюку и одновременно хромать оказалось значительно сложнее, чем просто хромать. Я убедилась в этом уже через несколько метров. А наша тетка мчалась вперед словно торпеда. Мы проследовали по целому лабиринту узких улочек, которые были образованы многочисленными сараями и складскими помещениями, выстроившимися вдоль железной дороги. Место было не из самых живописных, я бы сюда и днем не решилась сунуться, опасаясь заблудиться и остаться здесь навсегда. Однако дело было сделано, и теперь вся надежда была только на женщину, за которой мы следили. Теперь только она могла вывести нас из этой путаницы узких проходов и обширных свалок.

– Она тут словно дома, – поделилась со мной Мариша. – Как ты думаешь, что ее связывает с Оксаной? Почему она вышла из ее номера? Может быть, это ее очередная сокурсница?

Времени на обсуждение этого вопроса у нас не осталось, так как предполагаемая сокурсница Оксаны остановилась возле невзрачного домика и три раза стукнула в окно. Два раза быстро, потом через небольшой промежуток времени еще раз. Ей никто не ответил, тогда она подошла к двери и

толкнула ее. Дверь отворилась сразу же. Казалось, это женщину насторожило. Но, немного поколебавшись, она все-таки вошла внутрь.

– И что нам теперь делать? – оскорбленно пробормотала Мариша.

Чувствовалось, что поведение загадочной особы задело ее до глубины души. Я в это время как раз с тоской раздумывала, какого черта мы, две дуры, поперлись провожать какую-то местную тетку до ее дома, куда она и без нас отлично бы добралась. И как нам теперь отсюда выбираться. Очнулась я, чтобы услышать, как Мариша бормочет:

– Надо посмотреть, что она там делает.

– И думать забудь! – возмутилась я. – Такие дома обычно имеют внутренние дворики, и там сидят огромные злые псы. Их тут специально не кормят в надежде на то, что они будут пробавляться ночными гостями. Или наткнемся на хозяина, а он окажется еще старой закалки и по-русски ни в зуб ногой, как мы объясним ему, что нам нужно? Он еще вобьет себе в голову что-нибудь непотребное. Старички тут бодрые, до самой могилы сохраняют полную боевую готовность к продолжению рода.

– Вечно ты все преувеличиваешь, – недовольно отмахнулась от меня Мариша и поперлась напрямик к двери, за которой несколько минут назад исчезла наша преследуемая.

Рассудив, что оставаться одной среди пустынной улицы, на которой вполне реально появление даже не одного дедуш-

ки, а целой компании припозднившихся старичков, я поспешила следом за Маришей, и очень вовремя, потому что она уже открывала дверь.

– Ты что-нибудь слышишь? – спросила у меня она, оставившись на пороге.

Я прислушалась, но из глубины дома не донеслось ни единого звука. Всякого нормального человека этот факт успокоил бы, но Мариша почему-то насторожилась и посоветовала мне быть осторожней. Пока я возмущенно хватала ртом воздух и придумывала, что бы мне ей половчей ответить, она сделала несколько шагов, и мы оказались в узком коридоре, сплошь заставленном сундуками.

– В случае чего прятаться будем здесь, – прошептала Мариша, убедившись, что крышка ближайшего к нам сундука легко открывается.

Я только мрачно кивнула, от всей души надеясь, что такого случая нам не представится. Увы, я ошибалась. Неожиданно в соседней комнате послышался шум падения тяжелого и мягкого предмета, а следом за ним испуганное восклицание и быстрые шаги в нашем направлении. Как по команде, мы с Маришей откинули крышку ближайшего сундука и прыгнули в него. Помимо нас, в нем хранился еще какой-то садовый инвентарь, сидеть на котором было крайне неудобно. Мне, например, сразу же врезалось в спину что-то жесткое и железное, и как я ни вертелась, скинуть это с себя не могла. К тому же меня угнетало, что я никак не могла при-

помнить садовый инструмент такой формы. Шаги тем временем приближались с такой скоростью, что стало очевидно: кто-то чем-то сильно напуган и передвигается почти бегом. Как только шаги проследовали мимо нас, Мариша приподняла крышку и посмотрела вслед спешившему.

– Она! – удовлетворенно поделилась со мной Мариша. – Наша баба. Очень торопится, интересно, что ее так напугало?

Я пожала плечами и робко предложила Марише вылезти из сундука или хотя бы переселиться в другой.

– Подожди, она возвращается! – встревоженно перебила меня подруга, проворно опуская крышку.

Шаги и в самом деле опять приближались, миновав наше укрытие, они уже слышались в конце коридора, потом раздался шум возни, и все стихло, но ненадолго. Уже через несколько секунд, когда я совершенно точно решила, что довольно Марише надо мной измываться, и приготовилась устроить скандал на предмет нашего переселения, у входной двери раздались громкие мужские голоса. Голосов было много, что моментально заставило меня пересмотреть свой взгляд на наше местонахождение и обнаружить в нем массу ранее не оцененных мной достоинств. Новые гости не затрудняли себя тем, чтобы перейти на русский, поэтому понять их намерения было затруднительно. Одно было точно: они спорили. Но вот о чем, мы не могли даже догадаться. Наконец гости пришли к какому-то решению и дружно про-

топали мимо нас в дом.

Я тут же открыла рот, чтобы предложить Марише смыть-ся, пока есть еще возможность, но тут же выяснилось, что возможности такой на самом деле у нас нет. Совсем рядом с нами раздался тяжелый вздох и чья-то увесистая задница плюхнулась на крышку нашего сундука. От страха я зажмурилась изо всех сил, и, хотя никакой практической пользы из этого не извлекла, так как в сундуке и так было темно, как у черта в печке, мне стало спокойно. Спокойно и душевно. Раньше мы, увлеченные шумами в коридоре, как-то не обращали особого внимания на состав воздуха в сундуке, но теперь явственно почувствовали, что кондиционер нам тут пришелся бы весьма кстати.

Человек, сидящий на крышке нашего сундука, явно никуда не торопился, он о чем-то сокрушенно вздыхал и бормотал нечто невразумительное на своем языке. Так как никто ему отвечать не торопился, мы сделали вывод, что он один. Что следует из этого вывода, еще предстояло выяснить.

– Ахмет, – раздался окрик из дома.

Следом за ним послышалась инородная речь, которую мы опять же не поняли, зато стало ясно, что нашего пленителя зовут Ахмет. Он встал и пошел прочь от нас.

– Открывай крышку! – прошипела я Марише, как я полагала, в ухо.

– Они же нас увидят, – возразила она откуда-то у меня из-за спины.

– Плевать, – разозлилась я. – Они нас все равно увидят, если я вылезу из сундука, а я вылезу, потому что у меня в голове все помутилось от духоты.

Мариша послушно приоткрыла тонкую щелочку, и мы жадно приникли к ней, стараясь надышаться вдоволь, пока ночные обитатели этого дома не пойдут обратно.

– Идут! – первой заметила я странную процессию, которая выползала из недр дома.

Первые два человека несли за ноги и голову тело другого человека, пребывавшего явно в состоянии полной прострации. Во всяком случае, против такого обращения с собой он не возражал, из чего становилось ясно, что он либо без сознания, либо мертв. В пользу последнего свидетельствовали обильные пятна крови, покрывавшие его одежду. Следующая пара тащила еще одного покойника, у которого на месте глаза было аккуратное пулевое отверстие. Все они вышли на улицу, а затем вернулись, чтобы вынести еще одного мертвеца. Этого они уронили прямо перед нашим сундуком, должно быть, специально для того, чтобы позволить нам насладиться зрелищем развороченной башки.

Мариша издала какой-то странный булькающий звук, который, к счастью, никто, кроме меня, не услышал. На улице таинственных гостей явно кто-то ждал в машине, потому что вряд ли они затеяли переноску трупов единственно с целью поразвлечь себя и повеселить нас. Наконец они все убралась, а мы перевели дыхание.

– Давай выбираться, – предложила мне Мариша. Я сидела таким образом, что выбраться ей первой не удалось бы ни под каким видом.

Я в принципе была согласна, но снова вмешались таинственные силы. Вернулся Ахмет с теми своими друзьями, которые еще были живы, и они разбрелись по всему дому в поисках чего-нибудь ценного. Об этом не стоило большого труда догадаться по звукам, которые они издавали, срывая со стен ковры и круша мебель.

– Так они и до нас скоро доберутся, – высказала Мариша предположение, от которого меня пробрал ледяной холод, несмотря на сильно повышенную температуру во всем доме и в нашем сундуке в частности.

Маришино предположение оказалось верным лишь частично, до сундуков они и в самом деле добрались, но начали не с нашего, стоящего возле выхода, а с того, что стоял в противоположном конце коридора. Нам это дало несколько минут передышки, так как первой они нашли ночную гостью Оксаны, за которой мы поперлись в город. Радости их не было предела. Даже нам, плохо понимающим, в чем тут, собственно, дело, стало ясно, что ночной гостье они рады значительно больше, чем всем сокровищам Али-Бабы. К нашему удивлению, гостья их ликования отнюдь не разделяла, а, наоборот, всячески старалась от них вырваться. Что было просто невежливо после того, как радостно они ее встретили.

Она же зачем-то вытащила пистолет и выстрелила в са-

мого маленького из четверки, который оказался на редкость проворным и первым поднял крышку сундука. В итоге за свое любопытство он поплатился простреленным плечом. Остальные попытались схватить тетку всем скопом, но были вынуждены отступить. На этот раз досталось нашему толстому Ахмету, который теперь держался за живот и горестно стонал. В это время с улицы раздались чьи-то крики, услышав которые четверка мигом потеряла всякий интерес к общению с теткой и начала судорожно ломиться в узкие окна, которые находились на значительном расстоянии от пола. С собой они прихватили Ахмета, которому к этому времени уже стало настолько плохо, что самостоятельно стоять он не мог, не говоря о том, чтобы пробраться в узкое окошко. Честно говоря, самостоятельно в него он бы не пробрался, даже пребывая в своем лучшем состоянии.

Мы с Маришей проворно закрыли крышку сундука, оставив узкую щель и рассудив, что болтаться на пути у расстроенных и вооруженных людей нам, безоружным, не стоит. И теперь могли насладиться зрелищем толстой задницы Ахмета, застрявшей в узком отверстии под самым потолком. Но сегодня ночью все было против нас, даже этому нашему скромному удовольствию умудрились помешать. В дом ворвалась целая банда бородатых людей в зеленых комбинезонах, которые тоже стремительно бросились к женщине. Она к этому времени уже выбралась из сундука и глазела в потолок.

– Ты жива! – очень своевременно завопил предводитель зеленых. – Мы никак не предполагали, что ты сюда явишься сегодня ночью, поэтому и не волновались. У тебя появились новые обстоятельства?

Женщина молча кивнула головой.

– Тогда пойдем отсюда, – сказал бородатый. – Обсудим это, когда закончим с этими шакалами.

И они ушли, а мы с Маришей наконец-то остались одни и смогли выбраться из нашего сундука.

– Какой кошмар! – простонала она, с трудом вытаскивая свое затекшее тело на свет божий.

При этом она сердито косилась на меня, как будто это я ее затащила в этот чудный домик, где что ни сундук, то загадка. При мысли о сундуках я вспомнила о той штуке, которая не давала мне выпрямиться в этом довольно вместительном ящике. Заглянув в него, я почувствовала, как начавшая струиться по венам кровь вновь застывает, а сама я коченею и умираю.

– Взгляни-ка сюда, – прошептала я, обращаясь к подруге.

Она заглянула и повела себя несколько отлично от меня.

– Это здорово! – воскликнула она. – Здесь все ходят с оружием, а мы чем хуже? Теперь и у нас будет. Доставай эту штуку.

– Ты окончательно сдурела? – взвизгнула я. – Это же мимомет или что-то подозрительно на него похожее. Он же опасен.

– Зато это оружие, – не сдавалась Мариша. – Нам с ним никто не будет страшен, можем хоть всю ночь по городу разгуливать.

– Кто тебе разрешит его с собой таскать? – возмутилась я. – Да нам и не справиться с ним.

– Вечно ты все норовишь испортить, – заныла Мариша. – Что, с тебя убудет, если мы немного попользуемся этой штуковиной?

Я всерьез перепугалась, представив, как Мариша бодро взваливает на тележку этот миномет и тащит его к нам в гостиницу, а первый же попавшийся страж правопорядка останавливает ее и требует дать объяснения, откуда у нее оружие. Что последует за тем, как Мариша эти объяснения даст, нетрудно предположить. Отпуск снова будет испорчен.

– Может быть, поискать что-нибудь менее объемное? – предложила я.

Мариша недовольно фыркнула, всем своим видом показывая, что она думает о всяких перестраховщицах, и полезла в соседний сундук, который был бы точной копией нашего, если бы не внушительный замок, висящий на нем. К замку пришлось применить радикальные меры и сбить его концом миномета, который все-таки нам пригодился, так что Мариша могла быть довольна.

– О! – восхищенно простонала она, когда крышка сундука наконец откинулась. – Ты только посмотри на них.

Я взглянула и поняла, что могу смело распрощаться с опа-

сениями, связанными с минометом. Сундук был битком набит смертельно опасным железом, которое своими размерами значительно больше подходило для нас с Маришей. Тут лежали ручные автоматы, переложенные мешковиной и обильно политые смазкой.

– Как ты думаешь, почему на нашем сундуке замка нет, а на этом есть? – неожиданно спросила меня Мариша, оторвавшись от созерцания оружия.

– Вряд ли нормальному человеку пришло бы в голову, что можно стащить потихоньку миномет, – предположила я, деликатно намекая на то, что Маришу я к данному разряду людей при всем желании причислить не могу, но она в ответ лишь пожалала плечами и предложила:

– В таком случае стоит посмотреть, что в остальных сундуках.

– Начнем с того, который уже открыт, – подхватила я, так как мне не терпелось унести ноги из этого дома, пока еще кто-нибудь не пожаловал.

Дрожа кто от алчности, а кто от страха, мы приблизились к тому сундуку, в котором раньше пряталась странная особа с пистолетом, и были жестоко разочарованы.

– Пусто! – воскликнула Мариша.

– Везет же кому-то, – с завистью заключила я, припомнив свои недавние страдания в тесном соседстве с минометом и Маришей. – Не удивительно, что у нее хватило проворства выскочить отсюда и еще довольно резво махать своим писто-

летом перед бандитами.

– Может быть, она его здесь и нашла, – предположила Мариша.

– Ага, – с готовностью отозвалась я. – У нас миномет, а у нее маленький пистолетик.

– Айте! – раздался в это время вопль, прозвучавший, как мне показалось, именно так и совсем рядом с нами.

На самом деле кричали на улице, но особой роли это не играло, так как голоса неуклонно и быстро, значительно быстрее, чем нам бы этого хотелось, приближались.

– Сюда идут, – открыла Мариша потрясающую истину. – Надо сматываться.

План, безусловно, был хорош, если не считать того, что единственный известный нам вход в этот дом был уже перекрыт кем-то и встречаться с этим кем-то в наши планы не входило. Поневоле пришлось обратиться к тому окошку, где еще совсем недавно виднелся упитанный зад Ахмета.

– Лезь первая! – толкнула меня в бок Мариша. – Потом мне руку подашь.

Не успела я спросить, а кто же, собственно, будет подавать руку мне, как уже оказалась на крыше. Как у меня это получилось, уму непостижимо! Должно быть, от страха перед тем, что мне еще несколько часов придется провести в сундуке с жутким соседством, у меня открылось второе дыхание.

– Руку давай! – прыгала вниз Мариша. – Мне же самой

не влезть.

Я машинально протянула ей руку, и она оказалась рядом со мной. Но не одна. Следом за собой она вытянула пару автоматов. Один был побольше, другой поменьше, но весили оба одинаково внушительно. Теперь стало понятно, почему Марише самой было не вскарабкаться ко мне на крышу, – автоматы тянули ее вниз.

– Зачем они нам? – испуганно спросила я. – Они же стреляют!

– Вот именно, – бодро подтвердила она. – Здесь, как я посмотрю, все стреляют. Так чем мы хуже? И потом, за нами может быть погоня, надо же нам будет отстреливаться чем-то.

Хуже этого и быть не могло, если раньше я тешила себя надеждой, что автоматы не заряжены и особой опасности не представляют, то после Маришиных слов мне показалось, что земля, а верней крыша, уходит у меня из-под ног.

– Я стрелять не умею, – честно предупредила я. – Стреляла всего один раз в жизни, и мне не понравилось. Все тело потом болело.

– Тогда возьми тот, который поменьше, – дружески посоветовала мне она и протянула автомат. Он был скользкий и, разумеется, выпал у меня из рук и полетел вниз.

– Вах! – донеслось снизу.

Должно быть, там здорово удивились такому подарку, потому что почти немедленно из окошка показалась чья-

то бритая голова, по которой Мариша совсем невежливо и очень сильно стукнула прикладом уцелевшего автомата. Человек моментально утратил интерес к происходящему и мирно, без единого звука удалился туда, откуда и пришел. Правда, немного быстрее. Но ведь спуск всегда отнимает меньше времени, чем подъем, поэтому я не понимала, чего его приятели так разволновались.

– Что ты наделала! – прошипела мне Мариша. – Они сейчас все будут здесь.

– М-да, – промычала я, живо соображая, что следует предпринять, и сползая на землю по стене домика, который, на наше счастье, оказался не слишком высоким.

Мариша сползла следом, и мы кинулись бежать вдоль по улице. Вслед нам раздавались громкие голоса возмущенной кражей общественности и слышались автоматные очереди. Но это было бы еще ничего, если бы не шум погони, которую снарядили за нами. Мы обе находились в прекрасной спортивной форме, но бежать в длинных юбках, да еще таща по очереди трофейное оружие, было не очень удобно. И я с тревогой чувствовала, что погоня настигает нас.

– Спрячемся за деревьями, – совершенно забыв, где находится, предложила Мариша.

– За какими деревьями? – простонала я на бегу. – Где ты видела хоть одно дерево?

И действительно, как мы ни плутали, вокруг нас тянулись сплошные глиняные стены, которые время от времени пе-

ремежались небольшими мусорными кучами. Я человек не брезгливый и хорошую мусорную свалку в качестве места, где можно спрятаться, приветствовала бы от всей души, но вся беда была в том, что таковой не встречалось. Мы уже совсем было отчаялись, но тут нам неожиданно повезло. Мы выскочили из-за поворота и далеко впереди себя увидели целую шеренгу женщин всех возрастов, каждая из которых тащила какой-нибудь тюк. Они были так увлечены своим занятием, что даже не обратили на нас особого внимания, когда мы пристроились в конце их процессии.

Свой драгоценный автомат Мариша еще раньше спрятала себе под кофту и теперь выглядела, как больная с тяжелой и главное торчащей под самыми причудливыми углами опухолью живота, нуждающаяся в немедленной операции. В последний момент я нашла подходящую палку и тоже смогла занять руки, чтобы не так бросаться в глаза.

Почти сразу же после того, как я скрючилась и принялась хромать, из-за поворота выскочили трое дюжих парней самой зверской наружности. Мыться и бриться они явно избегали, должно быть, на этот счет было какое-то специальное указание в Коране. Не могу себе представить, чтобы кто-то вытерпел бы их присутствие рядом с собой дольше минуты. Воняло от них страшно. А когда один из них открыл рот, чтобы задать вопрос, выяснилось, что и зубы они чистить тоже не любят. Парень спросил о чем-то у шедшей передо мной женщины, но она недоуменно пожала плечами и про-

должала идти.

– Здесь никто не пробегал? – неожиданно на чисто русском языке спросил второй парень у женщин.

Они обрадовались передышке и, поставив свою поклажу на землю, принялись подробно выспрашивать парня о том, кто ему нужен. При этом они накинулись на него все вместе и почему-то говорили на русском, и мы с Маришей смогли понять, что разглядеть нас наша погоня не смогла, поэтому о нашей внешности и количестве они имели самое смутное представление. Разочарованные женщины, поняв, что никаких душераздирающих подробностей им не расскажут, принялись поднимать свои тюки.

– А вы, мамаша, никого не видели? – обратился к Марише заросший парень, с любопытством оглядывая ее фигуру, из которой автомат выпирал с просто удручающей откровенностью.

Я похолодела, но Мариша сердито затрясла головой, показывая, что она в ее преклонном возрасте не станет отвечать на подобные вопросы, и заковыляла прочь. Видимо, Мариша была последней надеждой парней, потому что после ее ухода они повернулись и побрели в обратном направлении. Я поспешила за ней, в душе надеясь, что парням не взбредет в голову оглянуться. Потому что, оглянись, они бы наверняка заинтересовались тем, с каким оживлением наши попутчицы стали указывать на Маришу пальцами, так как платок у нее на голове сбился и показалась макушка без малейшего

признака седины.

– Она с детства такая, – поспешила я успокоить женщин, но, кажется, не слишком удачно, они переключили свое внимание на меня, и почему-то у них на лицах отразилось еще большее недоумение.

Поэтому мы с Маришей постарались избавиться от их общества возле первого же поворота, который очень удачно вывел нас на одну из центральных улиц, где уже сновали мусорщики и спешили деловитые торговки, стремясь занять самые лучшие места на базаре. В гостиницу нас не пустили. И я не могу упрекать за это швейцара. После бессонной ночи, проведенной к тому же бурно и с риском для жизни, выглядели мы не лучшим образом. К тому же Мариша умудрилась забыть картонные таблички, которые служили пропуском в гостиницу и свидетельством того, что их обладатели и в самом деле живут в ней.

Пришлось карабкаться по пожарной лестнице, хорошо еще, что в такой ранний час это зрелище не собрало толпу. На нас обратил внимание только грузчик, разгружающий фургон со свежим хлебом. Он разинул рот и протер глаза, но так как и после этого мы не исчезли, а, напротив, продолжали карабкаться вверх, то он махнул рукой и вернулся к своим делам.

Возле двери нашего номера Мариша принялась уверять, что ключи она отдавала мне.

– Как ты могла их мне отдать, если сама закрывала

дверь? – на мой взгляд весьма логично спросила я.

– Закрыла, а потом отдала тебе, – настаивала на своем Мариша. – Не могла же я и ключи, и автомат тащить на себе. Должна же быть хоть какая-то справедливость на свете.

На это я ей возразила, что тогда она про автомат и не помышляла, а потому пусть лучше поищет у себя в карманах.

– Ничего нет, – прошептала она, послушно похлопав себя по бокам. – Даже карманов нет. Надо идти к Оксане.

– В таком виде? – взвилась я. – И с автоматом под мышкой? Ты с ума сошла. Ищи лучше ключ.

– Вспомнила! – радостно воскликнула Мариша. – Совсем из головы у меня вылетело. Я же его спрятала под коврик. Я подумала, мало ли что с нами может приключиться, нехорошо будет заставлять администрацию нести убытки.

– Обо всех-то ты печешься, – ехидно прошипела я, открывая дверь и сбрасывая с себя проклятые шмотки.

В наше отсутствие в номере явно кто-то побывал. Ничего, впрочем, удивительного, если учесть, что ключ остался лежать под ковриком и пролежал там несколько часов. Кто угодно мог найти его и заглянуть к нам. Если Мариша вообще закрывала дверь: она могла и просто уйти, оставив дверь открытой. Удивительно было то, что ничего из ценных вещей не пропало и даже деньги оказались все в наличии. Не могу сказать, что они были на месте, потому что мне казалось, что я их клала все же несколько глубже в шкаф, но они были целы, а это главное.

– Какие галантные воры, – высказалась Мариша. – Увидели, что у нас наличности с гулькин нос, и не стали ничего трогать. Побольше бы таких.

Я к этому времени успела принять душ и теперь выглядела снова на свои двадцать пять. Но не успела я этому факту порадоваться, как Мариша поспешила испортить мне настроение.

– Надо сходить к Оксане и рассказать ей, что у нее в номере ночью кто-то был, – сказала она. – Пусть проверит свои вещи, вдруг та тетка у нее что-нибудь сперла.

– А ты? – спросила я.

– А я занята, мне нужно подумать, что за люди были в том домике, и нужно проверить автомат, – пояснила мне подруга. – А также хорошо бы его разобрать, а то я не представляю, как он поместится в мою сумку.

– Я бы на твоём месте не стала его трогать, – с сомнением покосившись на железяку, пробормотала я. – У него может быть не все в порядке с предохранителем или со спусковым крючком. И вообще, кто его знает, что у него на уме.

– Иди, иди, – посоветовала мне Мариша. – Я сама разберусь.

Рассудив, что автомата у Оксаны нет, а есть только маленький пистолетик, а значит, она может выпустить в меня всего несколько пуль, в то время как с Мариши станется изрешетить тут все подряд, я торопливо последовала ее совету и удалилась стучать в дверь Оксаниного номера. Открыла

она мне не сразу, но все-таки открыла.

Выглядела Оксана помятой несколько больше обычного и к тому же настойчиво желала знать, какого черта я разбудила ее в такую рань. Поняв, что рассчитывать на горячий прием тут нечего, я хотела сразу же приступить к делу, но она меня опередила.

– Где вы шастали всю ночь? – недовольно спросила она. – Меня совесть замучила, и я к вам заходила, чтобы извиниться, а вас не было.

– Пошли за бабой, которая выскользнула из твоего номера в первом часу ночи, – откровенно поведала я. – И знаешь, не стоит тебе ей слишком доверять.

– Что так? – распахнула свои глазки Оксана. – Мне она показалась вполне приятной особой. Я ее очень давно знаю. Она добрейшей души человек.

– Может быть, это и так, а вот знакомых она себе выбирает несколько странных.

И я рассказала Оксане про все ночные перипетии, очень кстати забыв упомянуть про украденный автомат и про то, что мы вообще были внутри того дома.

– Значит, лица ее вы не видели? – задумчиво спросила у меня соседка.

– При чем тут лицо? – возмутилась я. – Ты только вдумайся: в то время, как мы дышим свежим воздухом, к нам в номер кто-то запросто заходит, роется в наших вещах и потом, ничего не взяв, уходит.

– Чего же ты тогда волнуешься? – удивилась Оксана.

– В этот раз не взяли, так могут взять в следующий, – буркнула я.

– Вот ко мне в номер никто запросто попасть не может, – с гордостью, совершенно неоправданной, произнесла Оксана. – Я на дверь специальную сигнализацию поставила, если вор вздумает вломиться, то замкнет контакт и такой трезвон поднимется, что весь отель сбежится. Хочешь, зайди и посмотри.

При этом она зевнула во весь рот, и я почувствовала, что мне пора откланяться.

– Ставь тогда уж и на окна свою сигнализацию, – посоветовала я ей на прощанье.

Я вернулась в наш номер и доложила, что Оксана на месте, жива и здорова, насколько можно судить по ее внешнему виду. Знакомую свою ни в чем не подозревает, и посторонних у нее в номере нет. И, только забираясь в постель, я поняла, что меня смутно насторожило в Оксане.

– Знаешь, а Оксана ведь перекрасилась, – сонно поведала я Марише, которая в ответ только еще громче захрапела, прижимая к своей груди трофейный автомат.

Все следующие дни для нас прошли спокойно, а вот республику лихорадило. На днях сюда должен был пожаловать новый премьер-министр, который, по слухам, обещал применить самые жестокие меры для подавления вооруженных действий в горах. Но так как окончательно серьезность сво-

их намерений он должен был пояснить по приезду, то точно никто ничего не знал, а потому все ломали головы и терялись в догадках над тем, как каждого лично может задеть его приезд.

Городские жители опасались, что снова начнутся перебои с продуктами, светом и водой. Сельских жителей электричество особо не интересовало, так как они и в лучшие годы видели его нечасто, а продуктами и водой были обеспечены самой природой и своим трудом. Но они беспокоились, как бы войска не решили присвоить себе плоды их труда, и притом совершенно безвозмездно. А о чем думали военные с обеих сторон, не смог бы догадаться ни один ясновидящий. Но вряд ли исламские воины приветствовали бы окончание своей священной войны, которая пока что принесла лишь разорение на их землю, а проклятый христианский мир как стоял на своем месте, так и продолжал стоять, делая вид, что не замечает потуг воинов ислама изменить мировой порядок в свою пользу.

Мы же с Маришей спокойно наслаждались отдыхом, так как на пляж теперь отправлялись в большой женской компании во главе со старостой, и местное население лишь уважительно косилось на столь многочисленный гарем и, как они полагали, его обладателя. Одно меня беспокоило – обзаведясь оружием, Мариша принялась канючить, что неплохо было бы сходить еще разок в тот дом и притащить оттуда еще чего-нибудь. Ей, видите ли, не давали покоя те сундуки, в

которые мы так и не успели заглянуть. Мне стоило огромного труда отговорить ее от этой затеи, и удалось мне это лишь ценой похода в милицию, где Мариша в течение нескольких часов прилежно разглядывала фотографии преступников, в надежде обнаружить среди них снимки тех двух парней, которые вышли из комнаты Оксаны.

– Это не они? – заинтересованно тыкая пальцем в очередную жуткую парочку, спрашивала она у меня.

Я послушно пялилась в фотографии, в очередной раз напоминая ей, что видела только одного парня из двоих, но выглядел он все-таки значительно более цивилизованным, чем эти страшные морды на фотографиях.

– А если твоему парню приделать бороду, будет он похож на этого? – не сдавалась Мариша.

Пожилой милиционер, допивающий уже третий чайник чаю, неодобрительно следил за действиями Мариши и брезгливо морщился, когда она просила принести ей следующий альбомчик.

– Это последний, – наконец произнес он, кладя на стол пухлый том и не скрывая своего облегчения, что скоро избавится от нас. – Может быть, вы все-таки объясните мне, чем вам насолили эти парни? Потому что всех, кто за последние двадцать лет привлекался за торговлю живым товаром, вы уже просмотрели.

Еще несколько часов назад этот милиционер гостеприимно встретил нас и сразу же поинтересовался, что у нас укра-

ли после изнасилования. Убедившись, что ошибся, он здорово удивился, но все-таки предложил свою помощь.

– Опишите мне этих типов, которые пытались вас похитить, а я постараюсь припомнить, кто из моих подопечных может подойти под ваше описание.

Но толку от его предложения было не много, так как приметы, которые мы с Маришей совместными усилиями смогли ему назвать, и то после долгого спора, перемежающегося взаимными обвинениями в давно начавшемся и все прогрессирующем слабоумии и полном отсутствии зрительной памяти, можно было применить решительно ко всем преступникам. У всех были темные глаза, у всех были черные волосы и очень у многих – усы или борода, но так как растительность на лице у мужчин появляется так же легко, как и удаляется, то последнее вообще нельзя было считать приметой. К нашему удивлению, среди преступников нам удалось найти нескольких рыжих, но они существенно делу не помогли, черноволосых все равно было подавляющее большинство, и все они могли быть родными братьями тех двух парней, которых мы видели в гостинице.

Милиционер начал терять терпение, но пока исправно снабжал нас нужными указаниями, кто, когда и за что был задержан.

– Смотри, наконец-то хорошенький, – воспрянула духом Мариша.

Мы с милиционером заинтересованно уставились на фо-

тографию.

– И в самом деле симпатяга, – признала я. – А что он совершил?

– Бабушку убил, деньги взял, дом поджег, потом к бандитам ушел и там стариков убивал, – с удовольствием отхлебнув еще глоток чая, сказал милиционер. – Молодых не трогает, псих, одним словом.

Мариша поспешно перевернула страницу и тут же радостно воскликнула:

– Нашла!

Я взглянула через ее плечо и решила, что парень на фотографии и в самом деле здорово похож на того, которого я видела на балконе.

– Этот? – разочарованно протянул наш милиционер. – Не может быть, вы ошиблись.

– Почему это? – разозлились мы с Маришей.

– Потому что он умер в прошлом месяце, – любезно пояснил нам лейтенант. – Боевики его, наверное, и порешили под горячую руку. За ним ничего существенного не числится. Правда, драки он учинял регулярно. Он боксер, драться умел и любил, поэтому пострадавших всегда было много. Вот они соберутся, синяки посчитают и строчат на него жалобы. Только что толку от их жалоб, сцапать нам его на месте драки ни разу не удалось, у него просто звериное чутье, как только мы подъезжаем, он исчезает. Минуту назад был и перестрелять всех обещал, а теперь нет. А чем он промышлял

в остальное время, я не ведаю, и не потому, что не занимался его делом, а потому, что рассказать некому. Нигде он не работал, не учился, жил не пойми где, а деньги откуда-то были. В последнее время был телохранителем у самого Аслана.

– А это кто? – спросила я.

– Большой человек, даже по телевизору выступал, – уважительно покачав головой, пояснил лейтенант. – Только его тоже убили, мы труп его нашли с документами, а рядом еще несколько трупов валялось, телохранители его. Вот и ваш парень где-то среди них валялся. Трупы без голов были, но нескольких нам удалось опознать. Это я точно помню, а фотографию давайте сюда, нечего ей среди снимков живых делать, все забываю ее вытащить.

Из милиции мы вышли, несколько обескураженные добытой информацией.

– Что же это получается, Оксана у себя в номере темной магией занимается? – произнесла Мариша, останавливаясь у киоска купить бутылку газировки.

– Почему? – удивилась я.

– Призраков вызывает, а потом уверяет, что училась с ними на одном курсе, – пояснила Мариша. – Такое простым людям не под силу.

– А где атрибуты? Где воск, кресты, травы в мешочках? Где сушеные змеиные головы, наконец? – воскликнула я. – И зачем колдунье пистолет, от других конкурентов отстреливаться? Давай лучше предположим, что мы с тобой обе

ошиблись и этот парень на фотографии совсем не тот, которого мы видели в гостинице.

– Придется, – со вздохом согласилась Мариша. – Но все равно это все странно и мне решительно не нравится.

Странно это или нет, но ночные гости к Оксане больше не заглядывали и сама она никуда из номера в ночное время не отлучалась. А ведь мы караулили ее по очереди и в связи с этим здорово не высыпались. Но все было безрезультатно. Оксанин распорядок дня ни на йоту не отличался от распорядка остальных туристов. Она вставала, заходила за нами и тащила нас, невыспавшихся и злых, в столовую. Потом на пляж, а вечером по городу. Но с наступлением темноты мы всегда всем составом были в гостинице и слушали новости про премьера, который все собирался приехать в свою неспокойную республику и каждый день откладывал свой приезд.

– Надоел он мне со своими обещаниями, – подвела итог его очередному выступлению Мариша. – Чувствую, что так и придется уехать в горы, не повидавшись с ним. А жаль, такая предоставлялась возможность.

– Он все локти себе искусает, когда узнает, что разминулсся с Маришей, – съязвила я. – Всю жизнь мечтал об этом, а тут на тебе. Может даже не пережить такого разочарования. Вероятно, нам с тобой стоит задержаться в городе, чтобы не подвергать мирные переговоры угрозе срыва. А то бедняга сляжет с тяжелым приступом сердечной боли из-за несостоявшейся встречи.

Мариша обиделась и надулась, а Оксана, задумчиво прищурившись на что-то вдали, спросила:

– А почему вы так уверены, что переговоры должны состояться именно здесь? Мало ли других мест?

– Но все время передают, что он едет в республику Д. и переговоры пройдут в столице. А столица Д. именно город М., – принялась втолковывать я Оксане.

– Это ровным счетом ничего не значит, – произнесла она тоном вещей сивиллы. – Вспомните, часто ли вам приходилось слышать по телевидению или по радио правду?

Мы с Маришей напряглись, но подходящего случая так и не припомнили. Может быть, потому, что Мариша из всех каналов и радиостанций слушала только музыкальные, а я смотрела по телевизору только художественные фильмы, а радио вообще не слушала. Но, так или иначе, возразить Оксане мы не могли.

– Но в любом случае в горы этот симпатяга не сунется, делать ему больше нечего, – решительно заявила Мариша. – А мы завтра отправляемся именно туда.

– Посмотрим, – пробормотала Оксана, которая вообще была дамой, не любящей поспешных выводов.

На следующий день всю нашу группу, нисколько не поредевшую, благодаря неусыпным заботам нашего единственного мужчины, загрузили в автобус. По лицам вышедшего проводить нас персонала гостиницы нельзя было сказать, что они нам сильно завидуют. Многие откровенно плакали. Но

мы приписали их слезы огорчению от того, что мы наконец-то убираемся долой, и в ответ только еще энергичней замахали. Старенькая горничная с нашего этажа, с которой мы успели подружиться на почве покупки у нее умопомрачительно вкусных фруктов из ее личного садика, зарыдала в голос и, закрыв лицо платком, ушла.

– Какие душевные люди, – растрогалась Мариша. – Мы живы и здоровы, а она убивается по нас, словно по покойникам.

Маришины слова как-то очень подозрительно смахивали на правду, по крайней мере, в автобусе ее шутке никто не засмеялся. В это время в автобус поднялся водитель, и мы всерьез закручинились. Со своей густой черной бородой до ушей и покрытыми столь же густой шерстью жилистыми руками, он выглядел отъявленным головорезом. Вдобавок порусски он говорил всего два слова: «да» и «нет», произносимых неизменно не к месту и с таким видом, словно собирался перерезать спрашивающей горло. Например, на вопрос, есть ли у него права, который задала одна пассажирка после того, как он лихо срезал на повороте угол, едва не пропоров левый борт автобуса о железную колонку, он ответил: «Нет!», а на вопрос той же гражданки о том, представляет ли он, куда вообще мы едем, он тоже ответил: «Нет». Зато когда наш предводитель поинтересовался у него, много ли несчастных случаев было на этой дороге за последнее время, наш водитель несколько оживился и, ткнув пальцем куда-то

в бездну, наполненную одними облаками, разразился тирадой:

– Только вчера тут была авария. Тоже автобус с туристами. Скользко было после ночного дождика и видимость плохая, водитель с управлением не справился – и все двадцать человек насмерть. Один водитель остался в живых.

Желающих спросить, кто был тем счастливым водителем, не нашлось, все боялись услышать страшную правду, и дальше мы ехали в гробовом молчании, сопровождаемом только рассказами нашего шофера о леденящих душу авариях. У меня лично сложилось впечатление, что все ущелья тут были битком набиты разбившимися автобусами и машинами, а также подорвавшимися танками и вездеходами. Просто уму непостижимо, сколько их тут, по словам нашего водителя, пострадало.

– И почему это никто у тебя на работе не хотел брать эти путевки? – с невинным видом поинтересовалась я у Мариши. – Просто удивительно. Боевые действия можно было бы наблюдать не на экране телевизора, а лично. А при определенной доле везения, даже удалось бы и поучаствовать в них.

Мариша извлекла изрядно потрепанный проспект, предлагающийся к нашим путевками, и прочла, что нас ожидают прогулки по буковым лесам и горным ущельям, купание в бассейне, свежий горный воздух и местная экзотическая кухня.

– Этого только не хватало, – пробормотала я, приготовив-

шись к самому худшему.

На горной турбазе наш волосатый водитель передал нас не менее волосатому, но значительно более общительному Махмеду, который немедленно распределил нас по домикам и сообщил, что ждет всех к обеду, который начнется буквально через несколько минут. Партия отбывающих в город Д. отдыхающих загрузилась в наш автобус, лица у них при этом были сосредоточенные и задумчивые, словно они не вполне понимали, как они здесь оказались, но давно уже смирились со своей участью и ничего от нее не требовали.

Вещи мы затащили в наш номер с рекордной быстротой, так как по всем ближайшим горам через громкоговоритель разносился голос энергичного Махмеда, призывавшего нас немедленно явиться в столовую. Все опоздавшие будут оставлены без обеда и в профилактических целях без ужина.

– Кому он собирается отдать наш ужин? – фыркнула Мариша.

Мне почему-то припомнился беглый каторжник, прячущийся на торфяных болотах недалеко от Баскервиль-холла. Сопоставив число оставшихся ужинов с количеством прячущихся каторжников, я всерьез загрустила. Но потом припомнила, какие здесь у всех большие семьи, и несколько воспрянула духом. Как бы то ни было, в столовую мы успели вовремя. И сразу стало понятно, что ни один младенец тех вещей, которые нам тут предложили, в рот не возьмет. То есть взять он, конечно, возьмет, дети вечно всякую дрянь в рот тянут,

но ни одна трезвомыслящая мать им этого не позволит.

– Что это такое? – спросила у меня Мариша, недоуменно тыкая вилкой в нечто, здорово смахивающее на жесткую подметку, свернувшуюся от старости в трубочку.

Я сверилась с меню и предположила, что это люля-кебаб, во всяком случае, это было самым вероятным, потому что ни на шашлык по-карски, ни на мясо на вертеле эта еда не походила. К этому произведению кулинарии полагались на гарнир макароны, слипшиеся в один сплошной ком.

– Суп я не буду, – поспешно отказалась Мариша, углядев, что налито в тарелки остальных обедающих.

Я тем временем уныло жевала подметку, лежащую у меня на тарелке, и прикидывала, стоят ли минеральные вещества, содержащиеся в ней, того, чтобы остаться без единого зуба. Выпив компот из неизвестных мне ягод, мы удалились к себе в номер обдумывать создавшееся положение. Но на это у нас не осталось много времени, так как очень скоро тот же бодрый голос из громкоговорителя стряхнул нас с постелей. Мы приглашались на прогулку.

На улице было лишь немногим прохладней, чем у нас в номере. Солнце палило как безумное, кондиционеров в номерах не полагалось, телевизоров и холодильников тоже. А потому и электричества не было.

– Может быть, хотите ополоснуться в нашем бассейне? – предложил нам Махмед. – Его скоро чистить будут, поэтому советую поторопиться.

– Ну уж дудки, – буркнула Мариша. – Мы лучше подождем, когда его почистят. Мы не торопимся.

Я ее сомнения целиком разделяла, бассейн мы уже видели и странных извивающихся рыбок в его мутных глубинах тоже.

– Тогда можно искупаться в речке, – бодро заметил Махмед и закричал: – Все желающие собрались?

Особого наплыва желающих не наблюдалось. Клынули только мы с Маришей, Оксана, муж с дамой на шестом месяце беременности и еще пара женщин, явно занимающихся тяжелой атлетикой. Наш экскурсовод оказался на голову ниже самой маленькой из нас, но никаких комплексов у него по этому поводу не возникло.

– Если бы моя жена увидела меня сейчас, она бы порадовалась, что я иду на прогулку с такими красивыми женщинами, – отвесил он весьма двусмысленный комплимент.

– А если бы вам пришлось вести с собой уродин, то она бы расстроилась? – ехидно поинтересовалась Мариша.

Но Махмед ее ехидства не понял и горячо воскликнул:

– Конечно, она бы сказала: «Зачем ты меня позоришь?»

На это даже Мариша не нашлась, что ответить, и мы тронулись в путь. Уже после первых десятков метров нашего пути я заметила, что горы тут располагаются таким образом, что дорога почему-то все время идет вверх, и поэтому идти по ней было крайне тяжело.

– Сегодня мы пойдем самым простым маршрутом, – по-

радовал нас проводник, и мы терпеливо ждали, когда же он начнется.

Наконец Маришино терпение лопнуло.

– Где ваши леса? – тяжело дыша, спросила она у проводника, весело порхающего между камней.

– Вот они! – широким жестом обвел вокруг крайне удивленный Махмед.

Мариша окинула недовольным взглядом редкие деревья и больше вопросов не задавала. Потом мы вышли к узкому горному ручью, искупаться в котором не рискнул бы даже каскадер, такими отвесными были его берега. И вот по этим берегам, рискуя каждую минуту сорваться, мы и начали спускаться вниз. Камни из-под ног сыпались в ущелье и исчезали в бурлящей воде. Не успели мы выбраться на относительно ровный участок дороги, как проводник тут же потащил нас на узкую тропочку, идти по которой было значительно сложнее, чем по утоптанной дороге.

– В чем дело? – заканючила Мариша. – Почему мы свернули?

– Мины, – пожал плечами Махмед.

– Мины?! – ахнули мы всей толпой.

– Ну да, мины. Остались после того, как войска отошли. Но вы не бойтесь, они могут быть только на тех дорогах, по которым в состоянии проехать боевая техника, а на таких лесных тропках их никто ставить не стал бы. Но все равно смотрите под ноги и не забывайте любоваться природой.

После этих слов единственной природой, которую мы видели, были камни и корни у нас под ногами.

– Следы, куда он встает, и иди след в след, – шипела мне в затылок Мариша, которая шла третьей.

– Я где-то читала, что бывают такие мины, которые взрываются только после давления определенного веса, – уныло сообщила я. – Например, если по такой мине пробежит лиса или заяц, то им ничего не будет, а если встанет человек... Как ты думаешь, Махмед намного легче меня?

– Ты слишком много читаешь, – сердито сказала Мариша. – Я тебе это всегда говорила.

Затем мы вышли к лесному ручейку, который выглядел вполне безобидно. Я имею в виду, что берега у него были относительно пологие, но купаться в нем никто из нас не захотел. Хотя многим пришлось, так как в качестве мостика через него было переброшен ствол молодого деревца. Мне лично не удалось на нем удержаться, я сразу же рухнула в воду, подняв тучу брызг. Вынырнув, я обнаружила, что Мариша плещется рядом со мной и, кажется, очень этим недовольна.

– Ты чего? – удивилась я.

– Как «чего»? – огрызнулась моя подруга. – Я подумала, что ты увидела опасность и решила спрятаться.

– Вот по той тропинке, – махнул рукой Махмед в сторону неприметной тропки, – можно было попасть на дорогу, которая вела прямо к боевикам. Повторяю: было. Теперь бо-

яться совершенно нечего. Сейчас мы с вами пройдем еще несколько красивых ущелий и выйдем к нашему дому отдыха, но только с другой стороны. Отставать не рекомендую, могут случиться разные неприятности.

Отставать никто и не думал, все спешили как можно быстрее попасть обратно в зону отдыха, чтобы в полной мере насладиться ее разминированной территорией. Но, выйдя из леса, мы с ужасом увидели, что Махмед отважно ступил на покрытую асфальтом дорогу и торопливо пошел по ней.

– А мины? – нерешительно спросила одна из теток.

– Плевать, – бросил наш проводник. – Идите следом за мной.

Вскоре из-за поворота вылетел грузовик, и нам стала ясна причина бесстрашного поведения Махмеда. Если по этой дороге постоянно ездят машины, то вряд ли боевики, находящиеся к тому же, по заверениям из телевизора, на сотни километров к югу, каждый день будут приходить сюда с единственной целью – поставить парочку мин. Махмед ускакал далеко вперед и явно не собирался нас дожидаться. Догнать его нам удалось только возле самой турбазы, к которой, оказывается, и вело это шоссе. Если бы мы знали, то не стали бы торопиться. По пути нам попадались немало тенистых местечек для отдыха. На некоторых, правда, пасся скот, но даже местные быки производили впечатление измученных жарой и вековой несправедливостью животных, которым дела нет до всяких спешащих людишек. А уж ослики и вовсе вы-

глядели просто жалко, и их агрессивности хватало лишь на то, чтобы лупить себя по бокам, стараясь избавиться от докучливых насекомых.

До своего домика мы доползли, не чуя под собой ног. Все тело ломило, а лицо и открытые части тела окрасились в интенсивно розовый цвет. Голова горела от солнца, а в глазах плясали огненные чертики.

– По моему, я умираю, – сообщила мне Мариша, свалившись на кровать. – У меня навязчивая идея пойти и искупаться в бассейне. Может быть, это сократит мою агонию.

Я выплеснула на нее тазик с холодной водой, которая, по счастью, текла из крана возле нашего дома, и она пришла в себя настолько, чтобы поинтересоваться, когда назначен ужин.

– Не хочу упустить ни кусочка из той программы, которая нам предстоит, – пояснила она мне.

На ужин нам предложили мясной салат, состоящий из обеденных остатков мяса и макарон, щедро политых майонезом. Всем также выдали по стакану кефира, который Мариша, не задумываясь, вылила себе на обгоревшие под солнцем части тела. После ужина у нас едва хватило сил, чтобы добраться до кроватей и уснуть.

– Интересно, как там Оксана? – пробормотала Мариша сквозь сон. – Ты ее видела после ужина?

Я машинально ответила, что не видела, и помимо воли начала думать, а видела ли я ее во время ужина. И вообще,

вернулась ли она вместе со всеми? Но так как идти и проверять это у меня сил не было, то пришлось убедить себя в том, что я видела, как Оксана заходила на территорию турбазы и даже возмущалась по поводу предложенного нам ужина.

На следующий день нас разбудил все тот же безумный Махмед. Часы показывали восемь утра, и нам предстояла зарядка.

– Где этот тип живет? – мрачно поинтересовалась Мариша. – Не может же он каждый день вставать в шесть утра, чтобы успеть к восьми на работу.

После зарядки, длившейся мучительно долго и после которой я с трудом могла пошевелить конечностями, нам подали завтрак. Так как воду отключили еще с вечера, а включить позабыли, то нам подали яйца всмятку и по стакану подозрительно пузырящегося кефира, который Мариша без долгих колебаний намазала на свою обгоревшую кожу, заявив, что так хоть особого вреда от него не будет. Я же сделала всего один глоток и немедленно горько раскаялась в своем легкомыслии. Кефир явно уже перебродил в нечто, явно не предназначенное для человеческого желудка.

После завтрака у выхода нас встретил наш неугомонный Махмед, которому даже кефир был нипочем, и радостно заявил:

– Сегодня у нас день Нептуна!

Мы недоумевающе на него вылупились и осторожно на-

мекнули, что этот праздник уже прошел по меньшей мере как месяц назад.

– По расписанию он сегодня, – упрямо ответил Махмед и ушел, пригрозив на прощанье, что если кто не захочет участвовать в добровольном мероприятии, то может смело рассчитывать на самые жуткие меры по отношению к себе.

Так как наша группа состояла в основном из молодых женщин, то долго убеждать нас не пришлось. Мы покорно поплелись к себе в домики готовиться к предстоящему испытанию с помощью красок и зубной пасты, которые были тут же нам выданы.

– И не жалейте краски и всяких украшений, – присовокупил напоследок наш тиран. – Вы же помните, что это за праздник.

– Он просто садист, – угрюмо констатировала Мариша, раскрашивая свой живот разноцветными полосами и втыкая в голову местную разновидность репейника, которую я только что с риском для жизни отвоевала у разгневанного таким поворотом событий ишака.

– Ну как? – спросила я у Мариши, закончив приводить себя в порядок.

– Где это видано, чтобы русалки водились в горах? – вместо ответа спросила она у меня. – Без купания праздник не может состояться. А где этот мерзавец собирается нас купать?

Одна и та же мысль пришла нам обеим в голову одновре-

менно, и мы в ужасе уставились друг на друга, понимая, что купания в бассейне наши ослабшие после сегодняшнего кефира организмы точно не выдержат.

– Надо спустить воду, – нерешительно предложила я.

Нерешительность моя была обусловлена только тем, что я совершенно не представляла, как это делается. Но Маришу подобные мелочи никогда не останавливали.

– Точно! – обрадовалась она. – Как мы сразу не догадались это сделать?

После чего мы крадучись выбрались из своего домика и мелкими перебежками направились в сторону бассейна. Сегодня он выглядел еще хуже, чем вчера. За ночь мути в нем прибавилось, и запах исходил от него совсем уж непристойный. Мы задумчиво обошли его со всех сторон, и Мариша произнесла:

– Как ты думаешь, школьные задачи о бассейне и двух его трубах максимально приближены к действительности? Или на самом деле у бассейна значительно больше труб, про которые нам ничего не известно? И если это так, то где они находятся?

Мы еще разок обошли бассейн. Но сколько ни вглядывались в его воды, труб не увидели.

– Не могут же они забираться в него каждый раз, когда надумают спустить воду, – заявила Мариша. – Наверняка у него должна быть какая-то затычка, которую можно вытянуть, стоя на краю.

– Разве что вот это, – ткнула я пальцем в покрытую слоем водорослей плиту, которая уходила глубоко в воду.

Мы дружно ухватились за водоросли с двух сторон и потянули на себя изо всех сил. Единственное, чего мы добились, был клочок оторвавшихся водорослей, в котором копошилась разнообразная мелкая живность.

– Кто-то из древних клялся, что если у него будет подходящий рычаг и точка опоры, то он перевернет мир, – припомнила Мариша.

– Что ты на меня так смотришь? – удивилась она. – Я просто думаю, что если мы засунем в эту еле приметную щелочку какой-нибудь металлический прут, то вполне возможно, что дело сдвинется с мертвой точки.

– Кажется, возле кафе я видела что-то подходящее, – припомнила я.

В это время Махмед, осторожно оглядевшись по сторонам и убедившись, что вокруг никого нет и за ним в окна не следит ничей любопытный взгляд, постучал в дверь Оксаниного номера. Ему никто не ответил, и его и без того смуглое лицо потемнело еще больше. Он стукнул еще пару раз, но не сильно, видимо, опасаясь, что услышат соседи. Результат по-прежнему был нулевым. Махмед пробормотал что-то на своем языке и попытался заглянуть в окошко, но оно было занавешено плотной шторой, сквозь которую невозможно увидеть внутреннее помещение. Тогда он снова вернулся к

двери и попытался открыть замок, подбирая ключи из связки, которую захватил с собой.

– Что это ты тут делаешь? – раздался у него над головой удивленный женский голос.

Махмед от неожиданности вздрогнул так, что уронил ключи. Обернувшись, он увидел, что рядом с ним стоит вовсе не хозяйка домика, а одна бойкая дамочка, с которой он коротал прошлую ночь. Теперь она уставилась на него с откровенным подозрением.

– Зачем ты к Оксане ломишься? – все более подозрительным тоном продолжала допытываться у него дамочка. – Мало тебе меня? На свежатинку потянуло?

При этом ее глаза гневно блеснули, и не первый день живущий на этом свете Махмед мигом сообразил, что сейчас последует скандал, а это он не любил.

– Ну что ты, звезда моя, – забормотал он. – Разве можно после встреч с тобой думать о какой-нибудь еще женщине. Если только по долгу службы. А ты же знаешь, что я отвечаю за всех отдыхающих. Вот мне и приходится за всеми следить, ты случайно не видела сегодня эту Оксану? Мне сказали, что она не пришла на завтрак.

– Я тоже не была на завтраке, – лукаво усмехнулась дамочка. – Но это вовсе не значит, что мне было плохо. Напротив, я была бы не прочь не пойти еще и на обед.

При этих словах она небрежно повела рукой, и махровое полотенце, которым она была укрыта, скользнуло вниз, об-

нажив грудь. Сделав вид, что ничего не заметила, любовница придвинулась вплотную к Махмеду и жарко прошептала ему на ухо:

– Если ты немедленно не пойдешь со мной, я умру.

Махмед был человеком добрым и смерти симпатичной дамочки отнюдь не желал. К тому же он понял, что просто так она не отвяжется, и единственный способ от нее избавиться – выполнить то, что она требует, и поскорей. Смирившись со своей участью, он подобрал ключи и пошел с ней к ее дому, дав себе слово не задерживаться там надолго.

Мы с Маришей за это время успели вытащить из кучи железа два подходящих прута, которые представляли собой часть разобранной декоративной ограды возле успешно разваливающегося кафе, и вернуться к бассейну. Просунув прутья в еле заметную щель, мы нажали на них изо всех сил.

– Налегай! – командовала Мариша. – Она подается, я чувствую.

Плита и в самом деле немного отошла в сторону, и вода с бульканьем начала просачиваться в образовавшуюся щель. Мы толкнули напоследок плиту подобранной по пути деревянной палкой, которая почти сразу же сломалась, но наши старания были вознаграждены, и вода побежала быстрее.

– Отлично! – удовлетворенно заметила Мариша, и мы с чувством выполненного долга отправились приводить себя в порядок, так как от всей этой возни наш грим несколько

смазался.

Буквально через час мы были раскрашены с ног до головы разноцветными полосками и чешуйками. На купальники мы нацепили целые букеты травы и цветов, а сверху надели все блестящие предметы, включая пузырьки с лаком и пудреницы, которые имелись у нас с собой. Мариша раскрасила свое лицо на манер американских индейцев, а в ответ на мое робкое замечание, что ей предстоит изображать отнюдь не индианку, а русалку, лишь вызывающе хмыкнула. Наш наряд был довершен двумя огромными венками, которые преподнес нам Батяня. Такие же венки украшали головы всех подведомственных ему русалок. Для сооружения этих головных уборов, боюсь, пришлось всерьез обеднить местную флору.

Сам Батяня выглядел более чем колоритно. У него на подбородке была приделана роскошная борода, сооруженная из нескольких мочалок, а на голове возвышался покрашенный золотой краской гребень. На его груди была нарисована пасть, заполненная зубами, нуждающимися в срочном лечении от кариеса, а плавки стыдливо заменяла длинная синяя простыня, из-под которой выглядывали огромные розовые ласты.

– Класс! – дружно отметили мы, с восторгом оценив его труды.

Оксана на мероприятие не явилась, чем чрезвычайно разгневала нашего мучителя, которому и переодеваться не надо было, так здорово он смахивал на черта.

– Я не всех вижу, – заявил нам Махмед. – Кто-то нарушает режим. Вас сегодня меньше, чем было вчера.

– Сам виноват, – буркнула Мариша, усаживаясь на травку, пока Махмед отправился по домикам в поисках недостающих жертв.

Там он никого не нашел, так же как и связку запасных ключей, которая таинственным образом исчезла после общения с любвеобильной дамочкой. А без ключей проникнуть сквозь запертую дверь он был не в состоянии. Краска на наших телах под воздействием повысившейся температуры угрожала вот-вот поплыть, и размалеванная орда начала дружно требовать начала праздника, разнузданно дергая и щипая бедного Махмеда за разные болезненные части тела. Пришлось ему открывать праздник. Все прыгали словно сумасшедшие, должно быть, мы и правда слегка были не в себе от одуряющей жары и острой нехватки воды.

Наконец пришло время ритуального омовения. Все к этому времени дошли уже до той кондиции, когда особенно не соображаешь, что делаешь. Поэтому мысль о бассейне неожиданно пришлась по вкусу нашим русалкам. Может быть, потому, что они до сих пор не удосужились на него взглянуть. Мы с Маришей в душе поздравили друг друга с удачной, а главное, своевременной проведенной операцией.

– Надеюсь, там уже все вытекло, – догоняя меня, пробормотала Мариша.

– В любом случае в том, что там осталось, купаться они

не захотят, – подтвердила я.

Когда мы подоспели к бассейну, самые шустрые из русалок уже стояли возле него, и на их лицах читалось откровенное недоумение. Мы с Маришей взглянули вниз и целиком разделили их чувства. Вместо мутной, чего скрывать, очень мутной и грязной воды бассейн заполняла отвратительная вонючая масса, состоящая из ила и на глазах разлагающихся частей неизвестных насекомых.

– Ну, кто самый смелый?! – жизнерадостно поинтересовался Махмед, подходя к бассейну, но еще не видя сюрприз, который мы ему приготовили.

– Купание отменяется, – мрачно сказал Батяня.

Махмед недоуменно взглянул на него и перевел взгляд на бассейн.

– Что это? – еле слышно прошептал он.

Выглядел он при этом неважно, весь побледнел и затрясся, я никак не думала, что он воспримет потерю воды в этой луже как личную трагедию и будет так переживать. Мне его даже жалко стало, так он страдал.

– Ничего страшного, – попыталась утешить его добрая, в сущности, Мариша. – Скоро дадут воду, и бассейн снова наполнится. А пока его не мешало бы почистить.

Наш инструктор перевел на нее полубезумный взгляд и протянул дрожащую руку в сторону обмелевшего водоема.

– Мне это кажется или все это видят? – спросил он.

– Ну, конечно, – похлопала его по плечу Мариша. – Все

видят, а купание отменяется.

– Но там, там! – Он продолжал тянуть руку, которая стала совершать совсем уж судорожные движения. – Рука!

– Рука, – подтвердила Мариша. – Руки у всех есть, ничего страшного. Вам бы полежать немного с холодным компрессом. Вот увидите, вам сразу станет лучше.

– В бассейне чья-то рука, – завизжал Махмед. – Вы что, ослепли?

Его вопль заставил нас взглянуть в дно бассейна. И действительно, спустя несколько минут мы увидели то, что Махмед своим орлиным оком узрел в первый же момент. Из толстого слоя ила торчала перепачканная человеческая рука. Впрочем, сейчас она больше всего напоминала гнилую корчагу, поэтому не было ничего удивительного в том, что мы сначала не обратили на нее внимания. Зато теперь, несмотря на палящее изо всех сил солнце, я почувствовала, как по спине пробежал озноб, и мне мучительно захотелось оказаться как можно дальше от этого места. Мариша, судя по всему, испытывала отличные от моих чувства, потому что она сказала:

– Надо его оттуда извлечь и хорошенько отмыть.

– Зачем? – машинально поинтересовалась я. – Зачем его мыть?

– Чтобы посмотреть, кто это, – любезно пояснила мне моя подруга. – Если он, конечно, еще не целиком разложился. При такой жаре на это много времени не надо, тогда придет-

ся определять по зубным коронкам.

Содрогнувшись от такой возможности, я тихо отодвинулась в сторону, пока Батяня организовывал извлечение тела из ила и последующее его отмывание с помощью приготовленного на обед компота, так как другой жидкости на турбазе не оказалось.

– Тело отлично сохранилось, – с триумфом сообщила мне Мариша, которой в отличие от меня происходящее очень нравилось.

– Очень за него рада! – скривившись, как от уксуса, проронила я в ответ.

– Похоже, что оно пробыло в воде не больше нескольких часов, – продолжила Мариша. – Хочешь на него взглянуть? Не бойся, грязь с него уже смыли.

Я хотела сказать, что боюсь вовсе не грязи, а именно того, что под ней было скрыто, но тут я внезапно замерла с открытым ртом.

– Что с тобой? – испугалась Мариша. – На тебе лица нет.

– Несколько часов? – прошептала я. – Тогда выходит, что его убили уже после нашего приезда?

– Сразу уж и убили, – протянула Мариша. – Может быть, он сам свалился. Или у него случился сердечный приступ, или ногу судорогой свело, когда он полез купаться. Зачем сразу думать о плохом? Ну и что с того, что он в одежде? Может быть, он был человеком стеснительным и, опасаясь, что его кто-нибудь увидит голым, купался всегда в одежде.

Не надо сгущать краски.

Но, к сожалению, права оказалась именно я. У мертвеца на спине с левой стороны отчетливо виднелось пулевое отверстие, которое и явилось причиной его смерти. Вряд ли он проделал его себе сам. Но это было еще не все. Пересилив себя и взглянув на лицо перевернутого к этому времени покойника, я невольно вскрикнула.

– Что?! – подскочил на месте Махмед, нервы которого пребывали в столь же плачевном состоянии, как и мои.

– По-моему, это тот парень, которого я видела в гостинице, – прошептала я, плохо соображая от ужаса.

В нормальном состоянии я сто раз бы подумала, прежде чем выдавать подобную информацию, но сейчас я за себя не отвечала, и последствия не замедлили сказаться.

– Где именно? – моментально поинтересовался Махмед, глаза которого загорелись дьявольским огнем.

– В соседнем номере, он выходил на балкон, когда был в гостях у Оксаны. – Я продолжала идти по неверному пути, упорно не замечая гримас, которые строила мне Мариша из-за спины Махмеда.

– Так! – многозначительно произнес он и умчался в неизвестном направлении.

Судя по всему, мои слова мигом вылечили Махмеда от шока, в который его поверг вид трупа на дне бассейна. Он отсутствовал очень недолго, скоро мы увидели его мчащимся вниз по каменной лестнице. В это время Мариша серди-

то объясняла мне, какого я сваяла дурака. Ведь мне же русским языком объяснили, что тот парень, которого мы видели в гостинице, умер, и это официально подтверждено и зарегистрировано. А я снова вылезла со своей самодеятельностью и только Оксану подставила. Последнее было близко к истине, Махмед нам это убедительно доказал.

– Где ваша подруга?

Это было первое, что он спросил у нас, когда немного отдышался после пробежки, и на случай, если мы чего не поняли, прибавил:

– Та аппетитная дамочка с белыми волосами, которая вчера была с нами на прогулке, где она? Это ведь Оксана? Так вот, в номере ее нет и кровать не разобрана. Выходит, что она не ночевала у себя. Это, между прочим, называется нарушением режима и карается снятием с маршрута! – гневно заявил он.

– Мы с ней не живем, – мрачно ответила Мариша. – У вас все номера двухместные, как бы мы втроем там уместились? Спросите у ее соседки.

– Нет у нее соседки! – в полном отчаянии заламывая руки, завопил Махмед. – Она одна попросилась жить. Но вы хоть помните, была она на ужине или нет?

– Какая разница, была или не была, – возразила я. – Если она отстала на прогулке и заблудилась в горах, то надо идти ее искать. А если она пошла в горы ночью, чтобы просто развеяться, то ее опять же надо отправляться искать, потому что

в таком случае она явно не в себе и опасно надолго оставлять ее наедине с самой собой. А кстати, вещи ее на месте? Что из того, что убитый и Оксана знакомы? Зачем сразу же такие подозрения? Может быть, ей просто пришелся этот отдых не по вкусу и она отправилась домой?

При этом мы с Маришей дружно и выразительно посмотрели на Махмеда, надеясь, что он извлечет для себя урок из этого таинственного исчезновения.

– А может, тут и раньше случались подобные вещи? – вдобавок поинтересовалась у него Мариша.

– Случались, – нехотя подтвердил Махмед. – Но обычно люди сбегали на третий день пребывания, и трупы знакомых мы после их отбытия не находили.

– Вполне понятно, – шепнула мне Мариша. – Сбегали, когда терпение лопалось и до них доходило, что еще несколько дней в такой жаре и при полном отсутствии воды они не выдержат. Но у нас, похоже, другой случай. Сидеть нам тут до скончания века, пока милиция не найдет убийцу.

– Ее вещи в номере, – спохватился Махмед. – Значит, она никуда не сбежала. Но где же она в таком случае? Неужели и в самом деле в горах? Но как она могла в них заблудиться, если...

На этом месте, заметив жадный взгляд Мариши, с которым она смотрела ему в рот в надежде услышать что-нибудь интересное, он спохватился и произнес:

– Придется идти в горы на ее поиски.

Услышав это, мы с Маришей изъявили горячее желание пойти вместе со спасательной группой искать нашу злополучную новую знакомую, но тут Махмед неожиданно снова показал свой норов, отказавшись взять кого бы то ни было из отдыхающих.

– Мало мне одной потери, так вы собираетесь мне еще нескольких на шею повесить! – верещал он, в праведном негодовании подскакивая на месте. – У меня жизни не хватит всех по горам разыскивать. Пусть сидят в своих домиках, наслаждаются покоем и носа не высовывают до тех пор, пока мы не вернемся. И если им так не терпится поучаствовать в этом деле, то пусть ждут милицию, а потом объясняются с ней.

Чтобы не нагнетать и без того раскаленную, хоть и было еще раннее утро, атмосферу, мы с Маришей сделали вид, что смирились со своей участью, и покорно отправились в свой домик. Из его окошка мы беспрепятственно могли наблюдать за отбытием поисковой группы, состоящей почти из всех работников турбазы.

– Повара тоже с ними, – поделилась со мной Мариша. – Значит, обеда не будет до их возвращения и нечего нам в таком случае тут высидживать. Не доверяю я этим мужикам. Хоть они русские, хоть негры. С них вполне станет добрести до ближайшего тенистого местечка и расположиться там для долгого и всестороннего обсуждения вопроса, где искать беглянку. Потом они утомятся от такой работы и решат немно-

го перекусить. И этот перекусон продлится до вечера. А вечером они вернутся и заявят, что никого не нашли.

Я сразу поняла, куда она гнет, но истина дороже, и я со вздохом согласилась со своей подругой, что такая ситуация не только возможна, но и более чем вероятна.

– Поэтому мы должны проследить за ходом поисков собственными глазами, – подвела неутешительный итог Мариша. – В конце концов, это наш долг перед Оксаной.

Я лично не помнила, чтобы за последнее время одалживала хоть что-нибудь у Оксаны, но прогулка в горы мне казалась предпочтительней той духовки, которую по недоразумению здесь называли номером-люкс. Оставалось только эту прогулку обустроить таким образом, чтобы нас не углядел глазастый Махмед или его не менее глазастые приятели. А для этого следовало снова замаскироваться. Мы внимательно осмотрели друг друга и пришли к выводу, что наша раскраска подходит для этой цели как нельзя лучше. От жары узоры поплыли и краски смешались в некую цветовую гамму, которая удивительно сочеталась по тону с окружающим пейзажем.

– Еще немного зелени, и все будет просто отлично, – прошептала Мариша, опрокидывая на меня баночку с зеленкой, прежде чем я успела возразить или просто предугадать, что она собирается делать. После этого она щедро насажала зеленых пятен на себя и осталась очень довольна.

– Запасливая ты моя, – злобно размазывая зеленку по во-

лосам, которым досталось больше всего, прохрипела я.

– Немного ярковато, но ничего, сойдет, – критически осмотрев меня, заявила подруга. – Сверху присыплем землицы – и все будет в лучшем виде.

– Надо было йодом поливать, – сердито заметила я. – Он смывается за пару приемов, а зеленка сходит только вместе с кожей. А про волосы я просто не хочу думать. Что мне теперь, по твоей милости, весь оставшийся отпуск разгуливать с зелеными волосами?

– Во-первых, – заявила Мариша, – воды все равно нет, поэтому не важно, чем я нас облила, так как смыть это мы в ближайшее время не сможем. А во-вторых, йода у меня нет, поэтому не капризничай. Ты же мне сама твердила, что мечтаешь покраситься в зеленый цвет, забраться на дерево и изображать из себя дриаду.

– Когда это я тебе такое говорила? – разинула я рот, в то же время смутно осознавая, что под воздействием сильной дозы алкоголя и в самом деле могла ляпнуть нечто подобное.

– Как прочла «Властилина колец», так и ляпнула, – заявила мне Мариша, рассматривая себя в зеркальце. – И не притворяйся, что тебе не нравится. Мне, например, кажется, что тебе зеленый цвет к лицу.

– Когда кажется, креститься надо, – проворчала я, осторожно выглядывая наружу.

Теперь следовало избегать не только сотрудников турба-

зы, но и всех остальных ее обитателей. По такой жаре с ними вполне мог случиться сердечный приступ, особенно если неожиданно вынырнуть у них под носом из-за угла дома. А зачем нам еще один труп? Да к тому же этот уж точно будет на нашей совести. Однако нам удалось прокрасться мимо домиков незамеченными. Во всяком случае, испуганных воплей нам вслед не несло. Основная часть отдыхающих собралась у бассейна в ожидании прибытия милиции. Сверху нам было видно, что труп уже целомудренно прикрыли покрывалом, и теперь он выглядел совсем не страшно, особенно если смотреть на него с дальнего расстояния. А мысль, что с каждой минутой мы будем от трупа все дальше и дальше, окончательно примирила меня с прогулкой в горы. Но не бывает в жизни полного счастья. Вот и в этот раз.

– Куда эта поисковая группа подевалась? – недовольно обратилась ко мне Мариша. – Я их не вижу, не слышу, и хуже всего то, что даже их следов нигде нет.

Я огляделась по сторонам и поняла, что подруга права. Вокруг возвышались деревья настолько редкие, что сквозь них окрестности просматривались на многие сотни метров. Но никого, кроме нас, на этой отлично просматриваемой местности видно не было. И дымом костра, если предположить, что они уже расположились на привал, не пахло.

– И куда нам теперь? – оскорбленно поинтересовалась у меня Мариша.

– Это я хотела спросить у тебя, – парировала я.

– Думаю, что раз мы никого не видим, то можем выбрать любой маршрут и пойти в любую сторону, – робко предложила Мариша.

– И заблудиться, как и предсказывал Махмед, – поддержала ее я. – А потом нас с тобой заподозрят в причастности к убийству. Знаешь, ведь такое бывает, когда находят свежий труп. Все в один миг попадают под подозрение, а если кто-то вдобавок пытается сбежать, то его хватают без лишних слов и даже мысли не допускают, что сбежать он пытался по каким-то личным причинам, а вовсе не из-за того, что является убийцей. А у тебя еще и оружие убийства имеется, автомат ведь у тебя под подушкой хранится. Или я ошибаюсь?

– Ну, знаешь! – возмутилась Мариша. – Если бы я пришла этого типа из автомата, то, во-первых, сбежала бы вся турбаза, так как про автомат с глушителем я что-то не слышала, а во-вторых, труп был бы весь изрешечен дырками, а в нем всего лишь одно-единственное отверстие.

– Это тебе не поможет, – я продолжала настаивать на своем. – И вот еще что странно: почему это Махмед наладился за Оксаной именно в горы? Мало ли где она пропадает, взрослый человек, в конце концов.

– Хорошо, а что ты предлагаешь? – рассвирепела Мариша.

– Предлагаю пройти тем же путем, по которому мы шли вчера. Во всяком случае, он ничем не хуже всех остальных, – мирно предложила я.

Мариша скорчила недовольную мину и с этой миной от-

правилась в предложенном направлении. Однако очень скоро мы начали подмечать некоторые несоответствия между вчерашним пейзажем и сегодняшним.

– Тебе не кажется, что ручей выглядит как-то не так? – не выдержав, я первой подала голос.

– Ручей как ручей, но бревно через него точно не то, – пробурчала в ответ Мариша. – Можешь радоваться – мы заблудились.

– По-моему, это именно ты прикладывала все силы к тому, чтобы мы заблудились, – возмутилась я. – А теперь пытаешься свалить вину на меня.

Так, вяло переругиваясь, мы продолжили свой путь вдоль ручейка. Мариша очень верно заметила, что любой ручей должен куда-то впадать, в то время как дорога вполне может закончиться тупиком.

– И к тому же без пищи человек может прожить много дней, а без воды всего ничего, – добавила она, видимо, в качестве утешения. – Если смотреть на это с другой стороны, то нам еще и повезло – гуляем тут в прохладе, и воды у нас сколько душа пожелает, а наши товарищи парятся сейчас возле трупы, который уже наверняка начал попахивать, и ждут милицию, которая тоже озона не добавит.

Тут Мариша неожиданно остановилась и замолчала.

– Что? – испуганно прошептала я.

– Шаги, – таинственно произнесла она. – Слышишь?

Я прислушалась, но ничего не услышала.

– Это оттуда, – уверенно произнесла Мариша, показывая куда-то на противоположную сторону ручья, который в этом месте сужался и мельчал просто до неприличия.

И не успела я оглянуться, как она уже бодро запрыгала по скользким камешкам, которые высывались из воды, и по ним вполне можно было перебраться на другой берег, даже не замочив ног. Особенно если обладать должной сноровкой и хорошим вестибулярным аппаратом. К сожалению, какая-то из этих двух важных вещей у нас с Маришей полностью отсутствовала, потому что мы обе поскользнулись и дружно плюхнулись в воду.

– Мне это что-то напоминает, – сидя в ледяной воде, произнесла Мариша.

– Без одежды купаться значительно приятней, – подтвердила я, хотя трудно было назвать купанием то, чем мы занимались, так как в сидячем положении вода едва прикрывала наши бедра до половины. – Ничего не скажешь, приятное место выбрали боевики. Помнишь, Махмед говорил, что они тут стояли лагерем.

Не успела я это произнести, как Мариша вздернула голову, как боевой конь, слышавший боевую трубу, и выскочила из воды.

– Чего ты расселась? – обратилась она ко мне уже с берега. – Хватит плескаться в этой луже. Нельзя же упускать такой случай, вряд ли нам еще раз подвернется возможность собственными глазами увидеть военный лагерь.

Я нехотя вылезла из воды и попыталась объяснить ей, что ничего интересного мы там не увидим, потому что лагерь давно покинут. И даже если бы он был обитаем, то все равно соваться туда не стоит.

– Какая чушь! – махнула рукой Мариша, продираясь сквозь прибрежные заросли. – К тому же именно с той стороны, где, по словам Махмеда, находился лагерь боевиков, доносились подозрительные звуки.

На мой взгляд, это отнюдь не было поводом ломиться туда, но у Мариши всегда была своя точка зрения на любой вопрос. На чем она основывала свою уверенность в том, как поступать в каждом конкретном случае, я до сих пор понять не могла, но последствия всегда бывали одинаково катастрофическими.

– Интересно, как ты умудрилась определить, где находился лагерь, если даже приблизительно не знаешь место нашего нахождения? – поинтересовалась я у Мариши, присоединяясь к ней.

– По солнцу, – буркнула Мариша. – Жаль, что мы автомат с собой не захватили. Даром, что ли, мы его стащили?

Мне оставалось только радоваться, что эта мысль посетила ее сейчас, когда до вожденного автомата было уже не добраться. Как ни странно, ее слова сбывались, по крайней мере отчасти. На какую-то тропинку мы с ней вышли. Другое дело, что не было похоже, чтобы ею пользовались в прошедшие несколько лет, но кто знает эту южную растительность,

может быть, она способна превратить вполне приличную дорожку в узенькую тропку буквально за несколько месяцев.

Идти по тропинке можно было только поодиночке, и то часто приходилось нагибаться и пролезать под не в меру разросшимся колючим кустарником. Именно тут я всерьез пожалела, что на мне нет ничего более существенного, чем мой купальник, который к тому же был совсем новенький и я им дорожила как в эстетическом, так и в материальном плане. Было сомнительно, что после тесного общения с местной растительностью я смогу показаться в нем перед любым мало-мальски приличным обществом. Погрузившись в размышления о печальной судьбе своей одежды, я не заметила, что Мариша, шедшая все время впереди, куда-то исчезла. Пораженная этим открытием, я остановилась, и в этот момент меня что-то схватило за голую щиколотку.

«Какая-нибудь ветка», – решила я и попыталась стряхнуть ее с ноги.

Ветка попалась на редкость цепкая и никак не хотела отпускать меня. С досадой переведя взгляд вниз, я увидела, как из кустов выглядывает Мариша, прижимающая палец к своему рту, а второй рукой держит меня за ногу, не пуская вперед. Такое поведение было чересчур странным даже для моей взбалмошной подруги. При этом она судорожно трясла головой, показывая тем самым, что мне нужно немедленно присоединиться к ней. Присев на корточки, я шепотом спросила:

– Ты окончательно свихнулась? Зачем ты ползаешь по этим кустам?

– Голоса, – еще тише прошептала Мариша. – Впереди голоса, разве ты не слышишь?

Я прислушалась, но ничего, кроме пения птиц, не услышала. Но зато припомнила из курса психиатрии, что невидимые голоса обычно ни до чего хорошего не доводят. Особенно если следовать их указаниям, поэтому я на всякий случай поинтересовалась у Мариши, что они ей посоветовали делать.

– Ты издеваешься? – обиделась она. – Они говорили на какой-то абракадабре, я ничего не поняла.

Еще не легче! Только голосов иностранцев нам тут не хватало.

– Пойдем посмотрим, – неожиданно поменяв курс на сто восемьдесят градусов, предложила Мариша. – Только надо прокрасться так, чтобы они нас не заметили, а то мы с тобой шумим, как стадо слонов.

– Тут нет слонов, – машинально поправила ее я, послушно начиная ступать на цыпочках.

В результате этого я наступила на камень, потеряла равновесие и упала прямо на Маришу, которая к этому времени уже почти целиком вылезла из кустов. Шум, который мы произвели, рухнув в колючий кустарник, должен был насторожить всех обитателей леса на много сотен метров вокруг. Поэтому особенно таиться нам уже нужды не было, но мы

этого как-то не сообразили и упорно старались произвести при передвижении как можно меньше шума.

– А что, если забраться на дерево и посмотреть вокруг? – предложила я, давно махнув рукой на то, как буду выглядеть в глазах окружающих, если таковые вдруг появятся.

Мы выбрали себе подходящее дерево, которое казалось достаточно крепким, чтобы выдержать нас обеих. На нем было достаточно веток, так как карабкаться по голому стволу вверх у нас бы при всем желании не получилось. Для этого надо было родиться ниндзя или обезьяной и жить не в большом городе, а где-нибудь на природе. Однако восхождение на дерево закончилось благополучно, а перепачкаться еще больше было уже невозможно.

– Смотри внимательно, там какое-то движение, – шепнула мне Мариша.

Могла бы и не трудиться, поляну я заметила и без ее указаний. На ней сохранились следы от костров, и выглядела она как местечко для пикников где-нибудь в пригородной зоне. Но вот люди, которые копошились на ней, едва ли напоминали отдыхающих. Сначала я решила, что мы наткнулись на нашу поисковую экспедицию, которая не выдержала долгих поисков и остановилась передохнуть. Но потом я припомнила, что наши не брали с собой никаких ящиков, а эта компания занималась тем, что деятельно перетаскивала ящики из одной палатки в другую, которая, на мой взгляд, была ничем не лучше прежней.

– Кого-нибудь узнаешь? – прошептала Мариша.

Я выразительно посмотрела на нее, и в этот момент внизу и справа раздался какой-то шорох. Мы посмотрели в ту сторону и увидели Оксану, которая энергично ползла на животу в нашу сторону. Следом за ней таким же образом передвигался Махмед и, кажется, был этим очень недоволен. Тот факт, что он не торопился тащить беглянку на турбазу, чтобы торжественно передать ее для дачи показаний сотруднику милиции, а вместо этого ползал за ней по лесу, следовало всесторонне обдумать. Чем мы и занялись, а тем временем парочка подползла к нашему дереву и, видимо, решив, что тут самый подходящий пункт для наблюдения за поляной, осталась возле него.

Оксана что-то шепотом втолковывала своему спутнику, который с этим был категорически не согласен, так как без передышки отрицательно тряс головой. Должно быть, речь шла о парнях на поляне, потому что Оксана иногда резко тыкала пальцем в ту сторону и после этого раздражалась особенно гневной тирадой. Они так увлеклись спором, что совсем не обращали внимания на то, что делается вокруг них. А зря, к ним в это время приближались три вооруженных автоматами человека, увидев которых я чуть не свалилась от страха с дерева. Мариша смотрела в другую сторону, и потому воинственный вопль, который испустила эта троица, накинувшись на samozабвенно спорящих Махмеда и Оксану, явился для нее полнейшей неожиданностью. Я с ужасом увидела,

как моя подруга дернулась, совершенно позабыв, где находится, и, разумеется, не удержалась на дереве.

– А-а-а! – издала она пронзительный вопль, соскальзывая со своей ветки и с треском падая на головы сцепившихся внизу людей.

Атаки сверху одинаково не ожидали ни трое типов с автоматами, ни Оксана с Махмедом. Пока они разбирались в своих ощущениях, я торопливо начала спускаться вниз. Наверняка тем парням, после того, как они разберутся с Маришей, захочется взглянуть, не сидит ли еще какой-нибудь диковинный плод на дереве. Теперь наше укрытие не представлялось мне таким уж надежным, и я поспешила присоединиться к Марише. До нижних веток я добралась вполне благополучно, но последняя оказалась явно гнилой или мой вес существенно отличался от желаемого. В общем, ветка не выдержала, а я грохнулась прямо на одного из парней с автоматом. В такой давке их оружие было практически бесполезно, его можно было использовать разве что в качестве дубины.

Мариша в этот момент вцепилась зубами в ухо второго парня и увлеченно его грызла, а Оксана с Махмедом обрабатывали третьего, которому, судя по тому, что он уже лежал на земле, приходилось хуже всех. Его приятели еще находились в относительно вертикальном положении, но после моего прибытия ситуация в корне изменилась. Тот парень, на

шею которого я свалилась, не выдержал такого сюрприза и осел на землю бесчувственным кулем, полностью выбыв из игры. Таким образом на нас четверых пришелся всего один более или менее дееспособный враг, с которым мы бы легко справились, если бы шум сражения не привлек к себе внимания спящих по поляне людей.

– Бежим! – скомандовала Оксана, неожиданно перестав колошматить парня свалившейся вслед за мной веткой и резво бросаясь бежать по тропинке в ту сторону, откуда мы с Маришей пришли.

Это решение, бесспорно, обладало массой достоинств, тратить время на их оценку мы не стали, а просто последовали ее примеру с различной степенью резвости. Нам вслед донесся возмущенный вой, который быстро сменился гневными воплями. Это заставило нас прибавить ходу и совершенно излечило от желания знать, что там делается на оставленной нами территории.

На этот раз при переправе ни я, ни Мариша в воду не упали, хотя торопились мы значительно больше, чем в прошлый раз. Мы очень резво проскакали друг за другом по камешкам и прытко вскарабкались на противоположный берег, где укрылись в зарослях кустов, из которых могли наблюдать за тем, что будут делать наши враги. Они повели себя довольно странно: сгрудившись у ручья, они возбужденно переговаривались между собой, но в воду ступить то ли не решались, то ли не видели в этом особой необходимости.

– Темный народ, – хихикнула Оксана. – Приняли вас с Маришей за лесных дев. Теперь обсуждают, не опасно ли вас преследовать. Не рассердится ли на них лесной хозяин, если это и в самом деле лесные девы. Повезло, что они не заметили нас с Махмедом. Мы с ним ни на каких лесных духов не тянем.

– Что это за лесные девы? – сердито поинтересовалась Мариша. – Почему это они нас за них приняли? Мы выглядим вполне нормально.

Это утверждение было явным преувеличением даже в моих глазах, а Оксана и вовсе сочла его шуткой и весело прыснула в кулак. И было отчего: мои волосы к этому времени уже равномерно прокрасились и приобрели приятный зеленый оттенок, а для Маришиной роскошной шевелюры одной жалкой баночки было, конечно, маловато, поэтому ее грива украсилась симпатичными пятнышками зелени, словно бы лишайником. Зеленые пятна вперемешку с цветными узорами, которые мы нанесли на себя сегодня утром, изображая русалок, отлично гармонировали с перепачканными землей и тиной телами. А сорняки и репейник, которыми мы себя украсили, еще не до конца завяли и не все отвалились. К тому же после долгого блуждания по лесу и сидения на дереве мы украсились многочисленными листочками, мелкими веточками и паутиной.

– Будет теперь им разговоров на целую ночь, – пробормотала Оксана, отсмеявшись. – Кстати говоря, спасибо, что

выручили нас. Без вас мы бы пропали.

– А что вы там делали? – немедленно поинтересовалась у нее Мариша.

– Шли обратно, – слишком быстро для того, чтобы это было правдой, ответила Оксана. – Представьте себе, просто шли.

– А почему ползком? – продолжала настаивать Мариша. – И где все остальные, кто отправился на поиски?

– Не знаю, – легкомысленно махнула рукой Оксана. – Меня нашел Махмед, и я ему за это очень благодарна.

Она кинула на нашего инструктора кокетливый взгляд, от которого тот покраснел и начал усиленно потеть.

– Мы решили срезать дорогу, – пояснил нам Махмед. – И наткнулись на это странное скопление вооруженных людей. Разумеется, нам стало интересно, вот мы и решили подобраться поближе. А что вы делали в лесу? Я же велел всем оставаться на турбазе. Вы хоть знаете, чем вы рисковали, отправившись в лес одни? Думаете, все местные такие приятные и милые люди вроде меня?

Ничего такого мы с Маришей и не думали о нем самом, напрасно он обольщался на свой счет. Но Махмед, не обращая внимания на наши перекошенные физиономии, продолжал разглагольствовать:

– И вы очень рисковали, только среди моих соседей я могу назвать троих, кто не побрезговал бы сцапать вас и продать за кругленькую сумму в рабство. И вовсе не обязательно, что

вас бы стали там холить, лелеять, мечтая жениться на вас или хотя бы заманить к себе в постель. Скорей всего вы бы делали всю грязную работу, кормили бы вас помоями, а в качестве награды колотили бы палками.

– Однако именно мы спасли ваши шкуры, – не преминула напомнить ему Мариша. – Вас бы сцапали и самих продали в рабство. Кстати, кто были те люди на поляне?

– Не продали бы, – угрюмо проворчал Махмед, полностью пропуская мимо ушей последний вопрос. – Правовверные друг другом не торгуют.

– А мне показалось, что те парни, с которыми вы дрались, вас знали, – заявила я. – И они совсем не удивились, увидев вас возле своего лагеря.

– Показалось, – горячо заверила меня Оксана. – Чего только с перепугу не покажется. Откуда они могли нас знать? Еще Махмеда, может быть, он местный как-никак. А я? Я здесь впервые, все мне в диковинку, даже ночью не смогла уснуть, все думала, как там ночью в горах. И отправилась немного прогуляться. Я и не представляла, что так быстро заблужусь. Хорошо еще, что ночи теплые, я не замерзла, только страху натерпелась.

– В бассейне нашли труп, – мрачно сказала Мариша, выслушав бредовый лепет Оксаны. – Мужчина, его убили выстрелом в сердце как раз в то время, когда ты отправилась на прогулку. Ничего не хочешь сказать по этому поводу?

– Махмедик мне уже рассказал, – запечалилась Оксана. –

Он еще сказал, что вы видели этого человека у меня в номере. Нехорошо, девочки, не по-товарищески. Зачем вы меня шлюхой выставяете?

Мы с Маришей разинули рты и уставились на нее.

– Мы тебя не выставяем, – наконец пришла в себя Мариша. – Мы же не говорим, что видели, как ты занималась сексом со всеми тремя, мы просто говорим, что убитый похож на того человека, который заходил к тебе. А чем вы там занимались, этого мы не знаем, но точно не сексом, мы бы слышали.

– И на том спасибо, – холодно бросила нам Оксана, поджала губы и больше на наши вопросы не отвечала.

– Нет, ты это видела? – оскорбленно обратилась ко мне Мариша, убедившись, что все попытки разговорить Оксану натываются на стену ледяного равнодушия. – Ну ничего, милиция с ней живо разберется. Пусть она на них попробует свое недовольство сорвать, посмотрим, что у нее получится. Убитый парень точно был у нее в номере, а значит, можно провести какую-никакую связь между ним и Оксаной. И потом, у этой негодяйки, за которой ты меня потащила в горы, нет никакого алиби на время убийства. И пистолет у нее имеется, что скажешь? Стоило беспокоиться за такую особу? И вечно ты меня впутываешь в разные истории с сомнительными участниками.

Я метнула на Маришу ненавидящий взгляд и посоветовала ей заткнуться, потому что до турбазы мы еще не дошли,

а по пути можно встретить немало опасных крутых спусков и горных ущелий. И не надо меня доводить до того, чтобы я спихнула ее в одно из таких местечек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.